SHOUT
SHARE
IT
SECURITY

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Валентин Яковенко
  -
  - Введение
  - Глава I. Ученичество
  - Глава II. Борьба за существование
  - Глава III. Каролина Массин и Клотильда де Во
  - Глава IV. Участие Конта в общественной и политической жизни своего времени
  - Глава V. Позитивная философия
  - Глава VI. Конт как социальный реформатор
  - Заключение
  - Источники

Валентин Яковенко
Огюст Конт. Его жизнь и философская деятельность

Биографический очерк В. И. Яковенко

С портретом Конта, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Великая французская революция завершила критическую работу передовых мыслителей XVIII века. Будучи выражением по преимуществу критики, она оказалась непреодолимой силой. Правда, одновременно были провозглашены и права человека, которые предполагалось положить в основание предстоявшей созидательной работы. Но права хороши как орудие борьбы – как боевой клич; построить же на них прочное социальное здание, удовлетворяющее лучшим человеческим требованиям, невозможно. Права, одни только права, всегда вели и неизбежно ведут к развитию индивидуализма, а индивидуализм при низком нравственном уровне неизбежно вырождается в эгоизм. Для того чтобы созидать, люди должны наряду с правами признавать и *обязанности.* Мало того – тот только в состоянии осуществлять свои права в должной мере и отстаивать их надлежащим образом, кто сознает свои обязанности и умеет выполнять их. Это – неопровержимая истина, подтвержденная наблюдениями. Однако нет ничего удивительного, что мыслители, наложившие отпечаток своего гения на весь XVIII век, не обратили должного внимания на обязанности человека, не разработали тех *положительных* начал, которые должны быть заложены в основу нового общественного порядка. Обязанности? Но разве не вечным напоминанием именно об обязанностях представители старого порядка гипнотизировали людей и превращали их в панургово стадо? Положительные начала? Но разве не эти именно положительные начала держали народные массы на протяжении целых веков в состоянии рабства, невежества, нищеты и так далее? Не надо нам ваших обязанностей и ваших положительных начал! Пусть человеку будет возвращена его естественная свобода и его естественные права – и он устроится наилучшим образом. Так неизбежно должны были думать мыслители, а за ними – и руководители общественного переворота XVIII века. Но когда переворот совершился, когда пришлось приступить к организационной работе в широком смысле, тут-то и обнаружилась односторонность этих, в сущности отрицательных, учений. Дело общественного преобразования не может ограничиться разрушением. Когда отрицательные теории окажут свое действие, на смену им должны явиться положительные учения – уже потому, что, руководствуясь только отрицательными теориями, невозможно строить. И действительно – не говоря уже о старых положительных учениях, мы видим, что в первой половине XIX века выступает целый ряд мыслителей с

положительными проектами социального преобразования человечества. Так, укажем на Сен-Симона, Фурье, Кабе, Огюста Конта; все они родились в конце XVIII века, и каждый из них представил свой проект реорганизации человечества, каждый из них горячо проповедовал свою *утопию*. Как, скажет, пожалуй, иной читатель, – известный позитивист Огюст Конт проповедовал какую-то социальную утопию? Да. Мало того, он не только проповедовал социальную реорганизацию общества, но даже написал свой знаменитый «Курс положительной (позитивной) философии» в интересах такой пропаганды. Философия как философия, наука как наука его мало интересовали. Обладая громадным умом, он без сомнения занял бы одно из самых выдающихся мест в ученом мире, если бы посвятил свои силы специальной науке. Но ум его с юности до последних дней был прикован к делам человеческим. Царившая в сфере мысли анархия (безначалие), как результат предыдущего развития, произвела на него потрясающее впечатление. Юношей он объявляет ей борьбу, в зрелом возрасте пишет два главных сочинения, которые должны служить опорой в этой борьбе, и с приближением старости берется за практическое осуществление своего положительного учения. Поистине о его жизни можно сказать словами Альфреда де Виньи: «Мечта юности, осуществленная в зрелом возрасте». Мы можем находить мечту юности здравой и разумной, а способ осуществления ее в старости неправильным, даже нелепым; но это не дает нам права отрицать полное единство жизни человека, не дает права насильственно разделять его на две части и одну сажать на философский трон, а другую отправлять в сумасшедший дом. Между тем, это проделывают с Контом. Я не погрешу против истины, если скажу, что такое необоснованное и несправедливое отношение к нему объясняется в большинстве случаев нерешительностью, половинчатостью или двоедушием его критиков. В переходные периоды истории, когда старый строй разлагается, а новый только нарождается, многие даже из числа выдающихся умов не могут на самом деле отрешиться от старой культуры, хотя и осуждают ее основы. Для таких людей Конт как личность и его учение как целое всегда будут казаться исполненными противоречия. Они не прочь признать все то, что подрывает разрушающийся строй; но они не могут разделить стремление выйти на новый путь. Совершенно иначе отнесется к Конту последовательный приверженец старого или нового строя жизни, старых или новых учений. Будучи сам цельным человеком, он увидит цельность и единство в учении и жизни великого французского позитивиста. Само собой, это нисколько не

обязывает его ни всецело соглашаться, ни всецело отвергать рассматриваемое учение. Одно дело понять внутреннюю связь известного ряда мыслей и то, как они развивались в голове человека и к чему они обязывали его, и другое – оценить эти мысли, отделить зерна от плевел. Вторая задача, замечу здесь кстати, не может составлять предмета этой биографии. Что же касается первой, то я надеюсь показать, что Огюст Конт как личность представлял замечательно цельного человека, и что через все его учение проходят одни и те же основные мысли. Затем, чтобы правильно понять учение и личность Конта, необходимо переместить самый центр тяжести нашего изучения. Пока мы будем рассматривать его как философа по преимуществу, пусть даже позитивного, до тех пор мы не гарантированы от грубых заблуждений. Только став на социальную точку зрения и рассматривая Конта как социального реформатора, мы в состоянии будем охватить одним взглядом всю его жизнь и все его учение и понять то *единство,* которое, наперекор всем ходячим мнениям о нем, характеризовало этого необычайного человека. Так мы и поступим.

Глава I. Ученичество

Семья. – Мать. – В лицее. – Политехническая школа. – Чтение. – Серьезность не по летам. – История в Политехникуме. – Исключение и высылка на родину. – Возвращение в Париж. – Поиски работы. – Умственные занятия. – Знакомство с Сен-Симоном. – Учение Сен-Симона. – Влияние Сен-Симона на Конта. – Юношеские произведения Конта. – Раздор с Сен-Симоном. – Содержание статьи «План научных трудов» и других. – Связь юношеских произведений Конта с последующими. – Предшественники Конта.

Огюст Конт (Огюст-Исидор-Мария-Франсуа-Ксавье Конт) родился в 1798 году в Монпелье (Montpellier), где отец его, Огюст-Луи Конт, служил сборщиком податей. Семья, вскормившая великого позитивиста, была заурядной чиновничьей семьей – ни богатой, ни бедной. В силу множества предрассудков, она не могла ни возбудить дух пытливости в ребенке, ни внушить ему стремлений и правил поведения, сколько-нибудь расходящихся с общественной рутиною. Несмотря на вихрь революции, потрясший всю Францию, эта чиновническая чета не чувствовала никакой потребности в обновлении. Напротив, старые боги для нее стали, вероятно, еще милее. По крайней мере, мать Конта, по его же собственному свидетельству, была чрезвычайно набожная и преданная католичка. Была ли она действительно религиозна – трудно сказать: в ту пору таких людей называли религиозными. Католическое рвение матери находилось, конечно, в прямом противоречии с теми новыми стремлениями, которые скоро обнаружились у юноши Конта, а затем и с тем новым учением, которое он стал проповедовать. Таким образом, при известной неуступчивости и строптивости обеих сторон разрыв был неизбежен; при этом как матери, так и сыну пришлось немало страдать от этих несогласий, как мы увидим ниже. Но впоследствии, когда Конт был увлечен культом женщины и когда католическая нетерпимость казалась ему синонимом глубокой веры, он вполне примирился в своих мыслях и в сердце с матерью и считал ее одним из трех своих ангелов-хранителей. К этому времени относятся следующие его слова в «Исповедях»: «Нравственные задатки перешли ко мне от моей нежной и пламенной матери. Она всю жизнь свою не знала тех высоких наслаждений сердца, которых вполне заслуживала… Я виноват перед моей бедной Розалиею (так звали его мать), лишая ее сыновних объятий в течение двадцати двух лет». Очень возможно, что свой не терпящий противоречий, неуступчивый и

вместе с тем до болезненности чувствительный и самолюбивый нрав Конт действительно унаследовал от матери. Те чувства, которые у матери нашли исход в католическом рвении, у сына вылились в позитивистском поклонении перед его святой Клотильдой.

Девяти лет Огюст отдан был в лицей в Монпелье интерном. Из католико-роялистской атмосферы родной семьи он попал совсем в другую среду. Любопытно, что уже в этой школе мальчик обнаружил некоторые особенности своего нравственного склада. Он питал отвращение ко всякому *внешнему* авторитету и регламенту и подчинялся лишь *умственному* и *нравственному* превосходству. Эту особенность Конт сохранил до конца дней своих и ее, можно сказать, положил в основание всей своей социальной схемы. Когда мальчику приходилось иметь дело с директором или наставниками, вообще с представителями внешней школьной дисциплины, то он оказывался непокорным, пускался в рассуждения, – что называется у нас, задирал. С учителями же своими он был, напротив, совсем другой: относился к ним с почтением и великим послушанием. Естественно, что первые преследовали его всячески и наказывали, а вторые отстаивали и защищали. При этом Огюст был трудолюбив, понятлив и относительно своих познаний всегда оправдывал ожидания учителей. Слабый и болезненный на вид, он держался в стороне от школьных игр; тем не менее, товарищи любили его; он всегда готов был выручить товарища: подсказать, помочь и так далее.

Из учителей Конта следует отметить одну далеко не дюжинную личность – пастора Анконтра, преподававшего математику в лицее. Обладая обширными философскими познаниями и редкими нравственными качествами, он оказал громадное влияние на Огюста. Он не только внушил ему критическое отношение к католическим и роялистским симпатиям родной семьи, но и зажег в нем, как утверждает биограф Робине, пламя гения, которое с тех пор не потухало. Конт относился к нему с большим почтением и посвятил ему одно из своих последних произведений («Субъективный синтез»). Пятнадцати лет Огюст окончил лицей. Теперь ему предстояла прямая дорога в Политехническую школу, где могли получить надлежащее развитие его математические способности. Но туда принимали юношей не моложе шестнадцати лет. Следовательно, Конту нужно было обождать еще год. Он остался при лицее и помогал одному часто болевшему учителю преподавать математику. Эту новую обязанность он исполнял блистательно под надзором самых строгих критиков. В 1814 году он держал

поверочный экзамен и, выдержав одним из первых, поступил в Политехническую школу в Париже. Школа эта играла очень большую роль во всей жизни Конта. Скажем о ней несколько слов.

Парижский Политехникум – одна из самых популярных школ во Франции. Этим она обязана, во-первых, своему универсальному характеру, будучи гражданской и военной школой; во-вторых – большому числу замечательных людей, вышедших из нее, и в-третьих – своим прогрессивным традициям. Детище Великой французской революции, она сохраняла ее дух. Под именем Центральной школы общественных работ она была учреждена Конвентом в 1794 году для образования инженеров всякого рода, в которых чувствовался недостаток в эпоху революции и вызванных ею войн. Выработка программ была поручена известному математику Монжу, и хотя школа с течением времени несколько раз подвергалась переделкам, но основной характер ее не менялся. Она давала подготовку молодым людям, желавшим поступить в одно из таких высших специальных заведений, где требовалось основательное знание математики. Курс сначала принят был трехгодичный, а затем двухгодичный. Ученики помещались в общежитии и пользовались значительными общественными субсидиями. Совместная жизнь сплачивала и порождала много общих житейских интересов. Ученики дружно боролись за право отлучек, дружно восставали против нелюбимых наставников и так далее. Но, кроме этих, так сказать, домашних дел, они принимали с самого основания школы деятельное участие в политических движениях своей страны. Поступая в школу, они клялись в преданности республике и в ненависти к абсолютизму. Когда роялисты выступили со своими происками, политехники в общей массе остались верны республиканскому духу. В то время подверглись исключению те, кто обнаружил неприязненное отношение к республике и принимал участие в роялистских возмущениях. Но это были единицы. Ученики отнеслись несочувственно к консульству Наполеона I, к его диктатуре и, наконец, к учреждению империи. Наполеон хотел было «подтянуть» школу, стал заводить там военные порядки, но научные и политические традиции оставались сильными и спасли школу. Во время вторжения союзников во Францию ученики составили особый отряд и сражались с врагами. При Бурбонах у них выходили частые столкновения с правительством, и школа снова подверглась реорганизации. Но особенно горячее участие принимали ученики в революции 1830 года. Школа была занята королевской гвардией. Тогда политехники отправились на баррикады и сражались здесь вместе с народом. Лафайет в особом приказе

прославлял их подвиги; из разных мест Европы и Америки они получали приветствия; наконец, сам Луи Филипп хотел наградить их как защитников «свободы и отечества». Но это не соответствовало республиканским наклонностям политехников, и они отказались от награды. В 1848 году повторилось то же самое. Вообще техники принимали участие во всех внутренних переворотах и политических движениях Франции XIX века и всегда показывали себя ярыми республиканцами. Но мы ограничиваемся сказанным, так как полагаем, что для читателя уже с достаточной ясностью обрисовалась та политическая атмосфера, в которую попал шестнадцатилетний Огюст, к тому времени отрешившийся от католически-абсолютистских верований своей семьи. Таким образом, его стремление к выработке нового миросозерцания получало полное удовлетворение с поступлением в Политехническую школу. Здесь он ревностно изучает математику и другие точные науки и таким образом вырабатывает навык правильно, методично мыслить и ограничивать поле своих размышлений только тем, что подлежит точному наблюдению и опыту. Кроме того, он приобретает массу научных знаний, которые будут необходимы ему для его философской энциклопедии. Но эти занятия не поглощают его всецело. У него остается немало времени, или он, во всяком случае, умеет найти время для чтения по вопросам литературным, философским, социальным. При этом его интересует преимущественно великое умственное и социальное движение XVIII века; он читает энциклопедистов: Адама Смита, Юма, Кондорсе; затем – де Местра, Биша́, Галля и других. Уже в этих чтениях он ищет разрешения основного вопроса, поставленного переворотом XVIII века: к какому новому положительному строю идет человечество? Юноша Конт, понятно, не мог решить этого вопроса; но он накапливал знания, необходимые для разрешения, – знания, которыми он, благодаря своей громадной памяти, пользовался впоследствии всю свою жизнь. Заботился ли Конт о систематическом чтении, мы не знаем, так как не встретили никаких указаний на этот счет в биографических материалах; но, несомненно, это было вдумчивое чтение, то есть чтение, которое должно было определить его положение среди людей и дело, которое он должен делать.

По-видимому, Огюст не знал юности, как она обыкновенно понимается; он не знал веселья, забав, развлечений, не знал горячего увлечения, страстных споров, возвышенных мечтаний. Нет, чем-то серьезным, холодным, *положительным* веяло от этого молодого политехника. Вечно серьезный, занятый своими мыслями, он резко выделялся среди товарищей и производил

впечатление скорее зрелого человека. Его громадный ум при непреклонном характере угнетал всякое непосредственное проявление юной жизнерадостности. Но это нисколько не мешало ему быть одним из самых задорных учеников и в распрях с начальством идти во главе других; поэтому он нередко подвергался взысканиям и лишался тех отличий, какие ему давало его умственное превосходство, признаваемое самими профессорами. Одно из таких столкновений оказалось роковым для него и его товарищей. Огюст был уже на втором курсе и должен был закончить школу. В это время на первом курсе вышла история из-за грубого обращения одного из репетиторов. Старшие вмешались и заступились за своих товарищей. Они потребовали удалить грубияна. «Как ни прискорбно, – заявляли они ему в письме, – принимать такую меру по отношению к старому учителю, но мы требуем, чтобы Вашей ноги не было больше здесь». Письмо было написано Контом, и его фамилия стояла первой под вышеприведенными словами. Правительство воспользовалось этим случаем (дело происходило в 1816 году), чтобы закрыть школу, которая уже страшно надоела своим вольнодумством и беспрестанными волнениями. Конт был препровожден на родину и отдан там под надзор полиции. Так плачевно закончились ученические годы Конта, и ему пришлось вступить в жизнь восемнадцатилетним «недоучкой», как сказали бы у нас поклонники дипломированного знания. Однако этот «недоучка» вскоре превратился в высокообразованного философа. Несчастье не смутило его. Он имел определенную цель и шел к ней тем путем, который казался ему кратчайшим при наличии известных условий. Но, скажут, карьера его была испорчена. Какая карьера? Во всяком случае, не та, которую делают великие независимые умы.

Нетрудно представить себе, как встретила Огюста родная семья, всецело погруженная в свои мещанские интересы, слегка прикрытые правоверным католицизмом. Вне семьи также не представлялось ничего утешительного. Там, в этом маленьком Монпелье, где каждому известна вся подноготная другого, строптивый юноша с обширнейшими планами в молодой голове и громадным самолюбием едва ли нашел бы себе дело даже при лучших условиях. Поэтому Огюст покидает Монпелье через несколько месяцев после своего невольного переселения туда и отправляется в Париж. Полиция не препятствовала ему, так как дело, за которое он был выслан, не носило политического характера. Но семья старалась всячески удержать его, и отец отказал ему в материальной поддержке. Таким образом, очутившись в Париже, Огюст должен был рассчитывать

исключительно на себя, на свой ум и энергию. Недостатки и лишения не могли испугать его. Со свойственным ему упорством и прямотой он ставит свое «быть или не быть?» и возлагает все надежды на свою великую способность к труду.

В Париже Конту первым делом пришлось изыскивать средства к существованию. Ему помогли профессор Политехнической школы Поинсо, заметивший необыкновенные дарования своего ученика еще на школьной скамье, и известный ученый Бленвилль. Оба они еще не раз протянут руку помощи нашему философу в его борьбе с цеховыми учеными и с его страшной болезнью. Теперь они приискали юноше частные уроки по математике. Обеспечив себе кое-какие скудные средства, Конт снова принялся за чтение по физическим наукам, биологии, истории. Одно время ему улыбалось место профессора по аналитической математике в спроектированной по французскому образцу Политехнической школе в Соединенных Штатах. Но проект этот не получил осуществления. Затем он поступил домашним секретарем к богатому банкиру, видному члену парламента, а впоследствии министру, Казимиру Перье. Секретарство это продолжалось только три недели: будущий философ и будущий министр слишком расходились в убеждениях, чтобы они могли сотрудничать в каком-либо деле; простым же наемником Конт не пожелал быть. Тем временем правительство допустило к выпускным испытаниям исключенных им раньше политехников и выдержавшим успешно экзамен дало, по обыкновению, разные места. Конт не держал экзамена и тем вторично отрезал себе обычный путь к обычной карьере.

Литтре́ следующим образом описывает умственное состояние Конта в это время:

> «Вглядываясь в него, вы увидели бы молодого человека с чрезвычайно рано развитыми, чрезвычайно деятельными и чрезвычайно обширными способностями, вполне изучившего все неорганические науки (к биологическим наукам он перешел немного позже), сведущего по части исторических документов и желающего проникнуть далее в мир идей и спекулятивной политики. По общему духу, царившему в его семье, он должен был бы быть католиком и легитимистом, а на самом деле он был свободным мыслителем в религии и революционером в политике. Республиканский дух, сохранявшийся еще в Политехнической школе, несмотря на деспотизм Наполеона и военного режима, не мешал развитию

такого склада ума. Но индивидуальность его сказывалась пока только в той связности, которую он придавал усваиваемым доктринам. Конт является в эту пору просто одним из новобранцев под знаменем, поднятым другими руками, или, выражаясь точнее, под знаменем, поднятым руками XVIII века и революции. Если Конт должен был сделаться со временем тем, чем он был на самом деле, ему необходимо было выйти из этого состояния и перейти к другому порядку идей».

То есть от чисто отрицательных идей XVIII века Конт должен был перейти к тем положительным социальным идеям, которые составляют достояние XIX века. Такой поворотный момент в его развитии совпадает со знакомством с Сен-Симоном. Хотя впоследствии Конт считал за несчастье это свое знакомство, однако, едва ли можно отрицать, что близкое общение с Сен-Симоном оказало большое влияние на формирование его мировоззрения. Укажем вкратце на те мысли Сен-Симона, которые развивает впоследствии и Конт, только гораздо систематичнее и продуманнее.

Характерной особенностью науки Сен-Симон считает предсказывание. Он указывает на смену астрологов астрономами, алхимиков – химиками и на предстоящую смену метафизиков, моралистов и философов – физиологами как на замечательнейшие моменты в развитии человеческого духа. Он говорит о всевозрастающем значении физицизма (совокупности научных и положительных представлений относительно явлений) и упадке сверхъестественных представлений и превозносит Декарта за то, что тот вырвал скипетр мира из рук воображения и передал его в руки разума. Само выражение «позитивная философия» встречается впервые у Сен-Симона в 1808 году, то есть когда Конт был еще ребенком. Главной задачей науки и философии Сен-Симон считал преобразование общества, его морального, религиозного и политического строя и ставил, таким образом, общественную реформаторскую деятельность в зависимость от научной системы. Все отрицательное, революционное, анархическое ему было противно. С этой точки зрения он осуждал протестантизм, считая его задержкой на пути развития положительной философии. Реформы, которые он предлагает, должны умиротворить общество; он не призывает отнимать имущество у богатых; он желает только увеличить общее богатство. Вместо эксплуатации человека человеком он выставляет эксплуатацию земли человеком; на осуществлении этой задачи должны сойтись ученые и промышленники. Мы не

станем входить в дальнейшие подробности плана общественного переустройства, проектированного Сен-Симоном, так как в самом этом плане найдется мало общего с планом, разработанным впоследствии Контом. Мы хотели лишь указать в самых общих чертах ту идейную атмосферу, с которой пришлось соприкоснуться Конту, когда он познакомился с Сен-Симоном. Многое, проповедуемое последним, высказывалось другими мыслителями раньше него, как это обыкновенно бывает. Но только став учеником, сотрудником, другом Сен-Симона, Конт перешел от своего отрицательного миросозерцания и от простого накопления знаний к работе над положительной системой и при этом несомненно усвоил некоторые из мыслей, высказанных учителем. Ниже мы укажем других мыслителей, которых сам Конт признает своими предшественниками; но все это были великие мертвецы, а Сен-Симон действовал на него непосредственно своею живою личностью.

Конт познакомился с Сен-Симоном в 1818 году, когда ему было двадцать лет, и поступил к нему в качестве секретаря с жалованьем в триста франков в месяц; но деньги эти он получил только за первую четверть, а затем должен был удовлетворяться одними обещаниями со стороны своего принципала. Не в материальной стороне, однако, дело. У Сен-Симона было определенное учение, и Конт, как он сам признавал, был вначале его учеником. Мы не говорим, что он воспринял это учение как нечто законченное и требовавшее только практического осуществления. В ту пору еще не было школы сенсимонистов и само учение только разрабатывалось. Важно то, что под руководством Сен-Симона Конт начал серьезно работать над социальными вопросами; в окончательных же выводах он мог разойтись со своим учителем, как это и случилось в действительности. Что Конт действительно работал над теоретическими социальными вопросами, показывают напечатанные им в это время работы. Так, в 1819 году в журнале «Censeur» была напечатана небольшая статейка «Séparation générale entre les opinions et les désirs», в которой он развивал мысль, что масса, народ, должна высказывать свои желания; ученые, публицисты – разрабатывать и указывать средства и пути удовлетворения этих желаний; правительство – осуществлять предложенные меры. В 1820 году он напечатал в журнале «Organisateur» статью «Sommaire appréciation de l'ensemble du passé moderne», в которой проводит различие между двумя главнейшими эпохами человеческого развития, эпохой критической и эпохой положительной. Наконец, в 1822 году он печатает в серии, издаваемой Сен-Симоном, уже весьма солидную

работу: «Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société». Работа эта была перепечатана в 1824 году под заглавием «Politique positiv» опять-таки в серии Сен-Симона, и затем Конт прекращает не только всякое сотрудничество со знаменитым реформатором, но даже знакомство. Он созрел для самостоятельной работы; он перерос уже своего наставника и сам мог выступить в роли учителя. Кроме упомянутых юношеских произведений, перепечатанных впоследствии Контом в его четырехтомной «Système de politique positive», он написал еще несколько, о которых, однако, сам отзывается как о «незрелых, навеянных пагубной связью» и потому «искусственных». Какие именно это произведения – неизвестно, но ясно, что речь идет о статьях, написанных под влиянием и в духе Сен-Симона.

По мере того как выяснялось и определялось собственное мировоззрение Конта, между ним и Сен-Симоном, естественно, возникало все большее и большее разногласие. Жена Конта, присутствовавшая при их дебатах, говорит, что в то время, как один обнаруживал мощную силу ума, другому недоставало простого внимания и уважения. Сен-Симон, конечно, замечал необычайные дарования своего ученика, но он хотел воспользоваться ими в интересах своих теорий. «Сен-Симон, – пишет Конт в одном письме, – старался держать меня в черном теле и присвоить себе львиную долю той славы, которую могли принести мои труды». В этих словах сказывается большое самомнение. Ведь слава-то еще не пришла… Конт действительно был чрезвычайно самолюбив, склонен к раздорам и уже поэтому не мог примириться с таким положением. Но несравненно важнее то, что с написанием упомянутой третьей статьи, «Plan…», его философское и социальное направление, как он сам говорит, окончательно определилось. В этой статье он излагает свое «главное открытие» – социологический закон трех состояний. В то время как Сен-Симон стал клониться к сентиментализму и религиозности, Конт шел к своему позитивизму. С большой натяжкой Сен-Симон мог втиснуть эту работу в свою серию. И, однако, он всячески старался отодвинуть действительного автора ее на задний план. Он не хотел даже выставить имени Огюста Конта. Это окончательно рассердило последнего, и он настаивал на своем праве подписать статью. Тогда Сен-Симон объявил ему, что так как он не желает подчиняться его указаниям, то между ними не может быть отныне ничего общего.

> «Я, *– рассказывает об этом эпизоде Конт,* – никогда не ожидал услышать от него такого заявления после наших отношений, длившихся в продолжение семи лет и

поддерживаемых мною по личному чувству к нему и вопреки собственным интересам». «Наше расхождение, – говорит он в другом месте, – которое окончилось бы простым разногласием в мнениях, будь у Сен-Симона иной характер, привело, и должно было привести при его характере, к полному разрыву. Сен-Симон отличается тем самолюбием, которое делает всякий союз с ним в продолжение долгого времени действительно невозможным, исключая разве только посредственности и человека, готового стать его орудием».

В этой характеристике Сен-Симон похож немного на самого Конта, по крайней мере на того Конта, каким он будет впоследствии. Первосвященник позитивизма также отличался достаточной нетерпимостью и с раздражением выслушивал возражения своих учеников. Но это в будущем. Пока же он сам находился в положении ученика. Он принял вызов учителя и вышел из его кружка, хотя некоторое время продолжал еще относиться к нему, по крайней мере с внешней стороны, почтительно. Работа же Конта, приведшая к этому окончательному разрыву, вышла с двумя предисловиями, написанными: одно – Сен-Симоном, а другое – автором. Остановимся на ней, так как она не только сама по себе интересна, но и важна как свидетельство единства взглядов Конта, начиная с первых серьезных шагов его на литературном поприще и до самых последних произведений. Вот основные мысли, изложенные в этой статье.

В жизни западноевропейских обществ, начиная со средних веков, наблюдаются течения двоякого рода: положительное и отрицательное, созидательное и разрушительное. Последнее преобладает до позднейших времен. Но теперь, когда разрушение совершило свое дело, эта отрицательная тенденция представляет величайшее препятствие для прогресса цивилизации и даже для дальнейшего разрушения старой системы. Чтобы выйти из этого состояния, цивилизованные народы должны оставить отрицательный путь и перейти на путь органического развития, должны направить свои усилия к образованию новой социальной системы. «Такова, – говорит Конт, – главная потребность современной эпохи, такова также и главная цель моих трудов… Назначение общества, достигшего зрелости, вовсе не в том, чтобы оставаться навеки в ветхой и дрянной лачуге, построенной в дни детства, и не в том, чтобы вечно жить без всякого крова… Оно должно, пользуясь приобретенным опытом, построить из всех собранных материалов здание лучше, чем прежнее,

приспособленное к его нуждам и потребностям. Таково великое и благородное дело, предстоящее настоящему поколению». Выработка плана социальной реорганизации должна начинаться с разработки основной идеи, то есть того нового принципа, который должен быть положен в основу социальных отношений и который должен дать систему общих идей, служащих для руководства обществом. А затем уже следует приступить к выработке различных учреждений, соответствующих этой системе. Нарушение этого естественного порядка порождает все современные неурядицы. Если новый принцип не установлен, невозможно покончить со старой системой, хотя бы даже люди думали, что они покончили с нею. Отсюда проистекают и все неудачи разных широковещательных конституций: они пытаются упорядочить частности, прежде чем был обдуман и установлен принцип. Вследствие этой основной ошибки простые перемены в старой системе принимаются за ее полное преобразование, а между тем изменяется, в сущности, только форма, а основа остается все та же.

Из такого разграничения теории и практики вытекает и основное разделение власти на духовную (умственную, теоретическую) и светскую (материальную, практическую). Ученые, представители умственной власти в будущем обществе, пользуются уже достаточным доверием, чтобы взять на себя почин в деле реорганизации Запада. Только они одни обладают в настоящее время общими идеями и общим языком, преследуют одну и ту же цель общей и постоянной деятельности. Ученые должны поднять политику на высоту опытной науки. Но для того чтобы новая социальная система, предначертанная позитивной политикой, действительно осуществилась, недостаточно только уяснить ее; необходимо еще вызвать в массе соответствующие чувства, воодушевить массу. Кроме указания на необходимость и возможность известной системы, необходимо еще представить одухотворенную картину улучшений, которые должны воспоследовать в человеческой жизни. Только такая перспектива может подвинуть людей к моральному обновлению, необходимому для осуществления новой социальной системы. Только одна она может рассеять эгоизм и общественную апатию. Это – дело художников. На долю же промышленного класса выпадает само проведение в жизнь установленной учеными системы.

Кроме изложенных мыслей, Конт развивает в рассматриваемой статье свой известный закон трех состояний. Но о нем мы будем говорить ниже. Таким образом, уже в своей первой серьезной работе Конт, во-первых, указывает вполне

определенно основную цель, ради которой он затем принимается за построение своей положительной философии, а позже – положительной политики; цель эта – социальная реорганизация общества. Она-то и придает всем его произведениям то замечательное единство, которого позитивисты многих толков не хотят признавать. В этой же статье он, во-вторых, намечает общий план своих будущих работ (он начнет с перестройки общих понятий),– план, в действительности выполненный им, и, наконец, прямо высказывает многие мысли, которые впоследствии развивает обстоятельно и многословно в «Курсе положительной философии» и в «Системе положительной политики».

В последовавших затем работах, которые также относятся к периоду ученичества в широком смысле слова, к периоду пробы пера («Considérations philosophiques sur les sciences et les savants» —1825 г., журнал «Producteur» – и «Considérations sur le pouvoir spirituel» —1826 г., там же), Конт, стоя все на той же точке зрения необходимости социальной реорганизации, продолжает набрасывать наскоро мысли, развитые им впоследствии. В особенности любопытна в этом отношении вторая из упомянутых статей. Здесь Конт указывает на отрицательный, по существу, характер принципов, выставленных Великой французской революцией: свобода совести, верховенство народа, равенство, – все это были лишь орудия для ниспровержения старого порядка, и как таковые они вполне законны и действенны. Но для положительной работы нужны иные принципы. И Конт, понимая прекрасно, с какими предрассудками ему придется столкнуться, прямо ставит себе целью показать необходимость учреждения умственной власти, отдельной и независимой от светской власти, и определить существенные черты новой нравственной организации, соответствующей современным обществам. Мало того, он сам указывает на сходство во многих отношениях своей будущей организации духовной власти с католицизмом средних веков и просит только читателя (хотя и не надеется, что его голос будет услышан) не понимать его превратно. Таким образом, сильно ошибаются те, кто симпатии Огюста Конта к католицизму приурочивает к последним годам его жизни. Католическая организация мелькала уже, можно сказать, перед его умственным взором, когда он писал свой знаменитый «Курс позитивной философии». Если произведения второй половины жизни Конта признавать за резкое отступление от того, что он писал в первую половину (то есть, как это обыкновенно считается, от «Курса положительной философии»), то как поступить тогда с этими юношескими его произведениями, – юношескими относительно,

так как он написал их на двадцать восьмом – тридцатом году жизни? Тоже признать отступлением, только предварительным, в область мистики, – или, что еще проще, вовсе позабыть об их существовании? Шаг назад, два вперед и снова три назад – вот в каком виде должна представляться умственная работа Огюста Конта позитивистам буржуазного склада, которым так по вкусу пришелся «Курс положительной философии». Но не такова она была в действительности. Конт, начиная с юности, неизменно шел к своей основной цели: социальной реорганизации современного западноевропейского общества. Он мог ошибаться, заблуждаться, но он никогда не изменял себе.

В заключение главы об ученичестве нелишним считаем указать на некоторых предшественников Конта (я имею в виду его социально-исторические взгляды), – предшественников, признаваемых им самим, а следовательно, имевших непосредственное влияние на выработку его социального мировоззрения. Неоднократно и с особенной похвалой он упоминает о *Кондорсе,* называя его «знаменитым и злополучным» автором известного сочинения о завоеваниях человеческого духа. Он первый, по мнению Конта, попытался дать истинно позитивную теорию политики. Кондорсе же обязан немалым своему не менее знаменитому другу *Тюрго,* у которого мы уже встречаем мысли о преемственности исторического развития, о постепенной замене теологических представлений абстрактными (по Конту, метафизическими) и, наконец, иными гипотезами, построенными на механической зависимости явлений и на опыте. Наконец, упомянем еще о *Канте,* статья которого «Идея всемирной истории с точки зрения человечества» была известна Конту в рукописном переводе и вызвала вполне одобрительные отзывы с его стороны. Конечно, все эти работы указанных мыслителей носили слишком отрывочный характер или были недостаточно разработаны, чтобы служить основанием для Конта при выработке им своего социального мировоззрения. Мы упомянули о них как о предшественниках, у которых он нашел многие из мыслей, разработанных им в целую систему. Вместе с тем любопытно отметить, что Конт, как он сам говорит, никогда и ни на каком языке не читал ни Канта (кроме упомянутой маленькой статьи), ни Гердера, ни Гегеля, ни Вико, ни многих других.

Глава II. Борьба за существование

Материальная неустроенность. – Лекции по философии. – Болезнь. – Возобновление лекций. – Место репетитора и экзаменатора в Политехнической школе. – Верх материального благополучия. – Неудачные попытки получить профессорскую кафедру. – Гизо. – Конт как экзаменатор. – Процесс с издателем. – Материальный кризис. – «Мозговая гигиена». – Как Конт работал. – Однообразие внешней жизни. – Первая оценка «Курса положительной философии» в Англии. – Брюстер. – Милль. – Переписка с Миллем. – Помощь трех англичан. – Обращение к Западу. – Подписка в пользу основателя позитивизма. – Более чем скромная жизнь.

Конт, как мы сказали, явился в Париж с голыми руками. Его тянула туда страсть к знанию, и на первых порах он не обращал почти никакого внимания на свое материальное положение. Год проходил за годом, а он все перебивался частными уроками, отдавая все свои силы научным занятиям. В 1824 году, после разрыва с Сен-Симоном, он пишет одному своему другу:

> «Я намерен наконец заняться в продолжение этих вакаций упорядочением моего материального положения на основаниях несколько более прочных, чем это было до сих пор. Всякие заботы подобного рода на меня нагоняют страшную тоску, но я убедился теперь, что придавал до сих пор слишком малое значение материальной стороне жизни, из-за чего нередко страдал и буду страдать еще более, если такое положение продлится; я убедился, что настало, наконец, время подумать об этом немного посерьезнее…»

Но он не возлагает никаких надежд на свои литературные работы. Хорошо, если доходы от них окупят издержки по напечатанию. Что же остается? Опять-таки те же частные уроки по математике.

> «Нет ничего более смертельного для моего ума, – пишет он несколько позже в другом письме, – как эта необходимость… думать ежедневно о том, что будешь есть завтра… К счастью, я думаю мало и редко об этом; но когда случается задумываться, то переживаю минуты страшного уныния и даже настоящего отчаяния: если подобные состояния станут обычными, то придется

отказаться от всех своих занятий, от всех философских проектов и превратиться в дурака…»

Он делает попытки проникнуть в Политехническую школу или в университет, но безуспешно: ему была запрещена педагогическая деятельность в учебных заведениях. Он грозит, что, если положение не изменится к лучшему, он оставит Францию и переселится в Англию… Но вместо этого юный философ женится в 1825 году на неимущей девушке. У нее было немного денег на «обзаведение». Новобрачные совершили маленькое путешествие в провинцию, а по возвращении сняли квартиру побольше, меблировали ее и стали поджидать учеников-пансионеров. Они дождались только одного ученика. Пришлось снова переезжать на квартиру поскромнее.

Среди всех этих волнений и невзгод один из друзей подал ему мысль устроить публичные лекции по философии, над разработкой которой Конт упорно трудился, несмотря на свое печальное материальное положение. Мысль эта понравилась ему, тем более что таким путем он мог не только заработать кое-что, но и заявить себя творцом той новой философии, которая начинала уже распространяться. В марте 1826 года он выпустил объявление о чтении своего курса, рассчитанного на семьдесят две лекции. Две первые лекции, по программе, он предполагал посвятить изложению цели и плана курса, шестнадцать следующих – математике, тридцать – наукам физическим (астрономии, физике и химии) и двадцать последних – наукам, изучающим органические тела: физиологии и социальной физике. С незначительным изменением этот же план сохранен и в написанном впоследствии *«Курсе положительной философии»*. Цель этих лекций, говорит Конт в другом объявлении, сводится в конце концов к философскому обозрению всех наук. Пусть читатели не рассчитывают услышать частности и подробности: он займется лишь главнейшими результатами, основными методами, духом каждой науки и естественными отношениями и связью между всеми ними. Но в число явлений, подлежащих научному изучению, он включает также и социальные явления, которые до сих пор, говорит он, были всецело предоставлены во власть теологических и метафизических теорий. Чтение лекций началось 2 апреля. Конечно, билеты раздавались больше между знакомыми или знакомыми знакомых. На какую небольшую аудиторию Конт мог рассчитывать, видно из того, что он решил читать лекции у себя на дому. Но среди этих немногих было немало людей избранных – например, Гумбольдт, Бленвиль, Поинсо и другие; затем – молодежь, подававшая большие

надежды: Карно, Серкле и другие. Очевидно, молодой философ, перебивавшийся жалкими уроками, пользовался уже некоторой известностью. На этот раз, однако, ему пришлось прекратить чтение на третьей лекции.

Всякий, кто читал или только видел шесть внушительных томов «Курса положительной философии», кто познакомился с содержанием их хотя бы по оглавлениям, ясно представит себе, какую громадную работу совершил Конт в течение десяти лет с того времени, как он покинул родительский кров и отправился в Париж. Для того чтобы совершить такой энциклопедический труд, ему нужно было работать за десятерых. Затем не забывайте, при каких тяжелых материальных условиях он работал: Конт не пользовался ни родительской поддержкой, ни стипендиями и пособиями, раздаваемыми молодым людям для научных работ, ни даже местечком, хотя бы и плохоньким, но дававшим досуг… А тут еще всякие личные раздоры. Сенсимонисты не могли простить ему, что он ушел от них, а Конт, самолюбивый, раздражительный, даже сварливый человек, не способен был отвечать молчанием на их выходки. Дело чуть не дошло до дуэли. К довершению всего, у него начались несогласия с женой. Его организм не мог вынести такого напряжения сил и таких душевных потрясений. Он подвергся жестокому душевному расстройству. Вначале жена не понимала, в чем дело, и разные выходки мужа приписывала раздражению и злобствованию. Но вот в один день он исчез совсем. Через некоторое время жена получила от него письмо и бросилась разыскивать его. Зная, что Конт любил проводить время в Монморанси, она отправилась туда и действительно нашла его, но уже в очень печальном положении: Конт находился в чрезвычайно возбужденном состоянии и отвергал всякую врачебную помощь. Поуспокоившись немного, он предложил жене прогуляться, привел ее к озеру, бросился в воду и пытался увлечь ее за собою. Будучи особой довольно сильной, она схватилась за корни и не только сама удержалась, но спасла и своего сумасшедшего мужа. По крайней мере, так впоследствии рассказывала об этом эпизоде сама г-жа Конт; других же свидетелей не было. С большим трудом удалось увести больного в ближайшую гостиницу. Поручив его надзору двух жандармов, г-жа Конт поспешила в Париж, чтобы разыскать Бленвиля, знавшего Конта лично и относившегося к нему с большой симпатией, и при помощи его перевезти мужа в больницу. Благодаря участию, принятому знаменитым ученым, Конта удалось поместить в больницу к Эскиролю. Жена боялась взять его к себе в дом, так как он страдал буйным помешательством.

Когда мать узнала о болезни Конта, она немедленно приехала в Париж и стала хлопотать, чтобы сын был признан невменяемым и чтобы над ним была учреждена опека. Она рассчитывала отстранить от него таким образом жену, с которой Конт не был обвенчан церковным браком, и увезти его в родительский дом, уповая больше на молитву, чем на медицину. Однако г-жа Конт расстроила ее происки. Хотя она не была обвенчана с Контом, но брак их значился в городских книгах и потому ее нельзя было устранить из семейного совета, который решал вопрос об опеке над больным. Конт остался у Эскироля, а несколько месяцев спустя жена взяла его к себе в дом. Период буйного помешательства еще не кончился. Конт и здесь бушевал, бросал нож в жену, однажды убежал из дома и бросился в Сену; но мало-помалу стал успокаиваться и поправляться. В конце лета 1827 года он мог предпринять уже маленькое путешествие к своим родителям в Монпелъе, но все еще находился в угнетенном и растерянном состоянии. В 1828 году Конт уже начал работать и написал статью «Examen du traite de Broussais sur l'Irritation de la folie», в которой воспользовался своим печальным личным опытом. Во время болезни он пользовался материальной поддержкой со стороны отца и некоторых друзей.

В начале января 1829 года Конт в состоянии уже был возобновить свои лекции. Читал он их опять на дому перед ограниченной и избранной аудиторией. Правда, Гумбольдта на этот раз не было – зато присутствовали Бруссе, Эскироль; даже Араго, которого впоследствии Конт считал своим злейшим врагом, хотел прийти. Краткое изложение основных мыслей своей философии Конт прочел затем в одном из общественных залов Парижа и в 1830 году приступил к печатанию своего капитальнейшего произведения. Однако в материальном отношении вся эта поистине гигантская работа дала жалкие гроши, собранные со слушателей лекций. Конту по-прежнему предстояло трудиться бескорыстно в области мысли и зарабатывать себе на существование уроками по математике. Знакомства с некоторыми учеными и профессорами, посещавшими его лекции, теперь пригодились. В 1832 году он получил место репетитора в Политехнической школе по теоретической механике и высшему анализу с жалованьем в две тысячи франков; в 1837 году – там же место экзаменатора с жалованьем в три тысячи франков; наконец, в частных учебных заведениях он зарабатывал еще около трех тысяч франков в среднем, так что весь его ежегодный доход колебался между семью – десятью тысячами франков. Эти троякого рода занятия, рассказывает Конт в одном письме, не дали ему в течение шести

лет даже двадцати дней отдыха подряд; он работал, как простой рабочий, с тою лишь разницей, что получал больше, но зато и обязательные расходы его были больше. Однако это был верх материального благополучия, какого только достиг наш неудачливый в житейских делах философ. А сколько неудач ему пришлось претерпеть!

В 1831 году он выставил свою кандидатуру на вакантное место – кафедру высшего анализа и теоретической механики в Политехнической школе; но на его заявление не обратили внимания, а в следующем году он получил, как мы сказали выше, лишь место репетитора при этой кафедре. В 1832 году Конт обратился к Гизо, в то время министру народного просвещения, с предложением учредить при Collège de France кафедру всеобщей истории и философии физических и математических наук. В докладной записке, представленной им по этому поводу, он обстоятельно доказывал необходимость, своевременность и возможность учреждения такой кафедры; в лекторы же он, естественно, предлагал самого себя.

> «Человеку тридцати пяти лет, – *писал он в частном письме к тому же Гизо,* – следует позаботиться, наконец, о прочном и соответствующем его способностям положении. Те же самые обстоятельства, которые могли быть полезными для человека, заставляя его хорошенько продумать свои убеждения и привести их в систему, становятся вредными, если они длятся слишком долго и мешают выполнению задуманного плана. Для такого ума, как мой, – Вы его знаете, милостивый государь, – существует, осмелюсь я сказать, лучшее в интересах общества употребление, чем ежедневное преподавание пяти или шести уроков по математике. Я не. забыл, как в наших философских беседах… Вы высказывали не раз, что считаете меня способным поработать на пользу нашего высшего образования… Я не прибегаю ни к чьему посредничеству и сам обращаюсь к Вам. Речь идет об единственном представившемся случае поручить мне подходящее дело, не нарушая ничьего интереса, и основать учреждение высокой научной важности…»

Разговоров, происходивших между Контом и Гизо, конечно, никто не стенографировал; но вот что записал в своих «Мемуарах» по этому поводу министр:

> «Я принял Конта, и мы беседовали некоторое время… Он сбивчиво и непонятно излагал мне свои

взгляды на человека, общество, цивилизацию, религию, философию, историю. Это был человек простой, честный, глубоко убежденный, глубоко преданный своим идеям, наружно скромный, хотя в глубине души ужасно гордый и искренне считавший себя призванным открыть для человеческого духа и человеческого общества новую эру… Я не пытался даже оспаривать его: его искренность, его преданность и ослепление внушили мне то печальное почтение, которое выражается молчанием… Если бы я решил создать подобную кафедру, я, конечно, ни минуты не сомневаясь, пригласил бы на нее Конта…»

Мы видим, как жестоко заблуждался молодой философ, слишком сосредоточенный в самом себе и мало обращавший внимания на окружающее. Впрочем, может быть, Конт имел основания возлагать надежды на министра Гизо: он знал его раньше, когда тот был еще простым смертным и писал ему, что он «принимает почти все его принципы», когда он высказывал сожаление, что не мог присутствовать на его лекциях, и так далее. А в «Мемуарах» Гизо уже пишет, что он вовсе не знал Конта и никогда не слышал о нем… Так или иначе, мечта Конта создать и занять кафедру по истории и философии положительных наук не осуществилась. Много лет спустя, в 1846 году, он снова возобновил свою попытку, но ее постигла такая же неудача. В 1848 году, после революции, с подобным же проектом выступил Литтре, ученик Конта; но и он не имел успеха. Таким образом, Конту не удалось найти в официальных сферах места, соответствующего его стремлениям. И, быть может, это обстоятельство имело немаловажное значение в его дальнейшей судьбе. Но возвратимся к его неудачам.

В 1835 году Конт снова заявил желание занять одну кафедру, ставшую вакантной в Политехнической школе, но Академия наук, через которую должно было проходить назначение, отклонила его предложение. В 1836 году он исполнял некоторое время, за смертью расположенного к нему математика Новье, обязанности профессора; но на кафедру все-таки не попал, хотя лекции его заслужили одобрение и со стороны инспектора Политехникума, и студентов. Последние устроили даже маленькую демонстрацию для поддержания Конта. В 1840 году снова освободилась кафедра по высшему анализу и теоретической механике. Конт, не имевший обыкновения отступать ни перед какими затруднениями, снова заявляет свои права, и снова ему отказывают. Тщетными были также его попытки проникнуть в

Академию политехнических и социальных наук. Одним словом, ученые всякого рода, начиная с математиков и кончая историками, встречали в высшей степени недружелюбно этого непатентованного философа, обладавшего громадным умом и обширнейшими познаниями. Переписка Конта, его многочисленные предисловия, обращения и воззвания к публике переполнены жалобами на несправедливость и педантизм ученой корпорации. Словно богатырь сказочных времен, сражается наш философ с этой современной стоглавой гидрой, с этой педантократией, как он называет ее, воспользовавшись словом Милля. Будем, однако, беспристрастны. Как ни велики заслуги Конта в философском и социальном отношении, но ведь он домогался, главным образом, кафедры по высшей математике. И ненавистные ему геометры, пожалуй, вправе были спросить его: «Где же ваши ученые работы, дающие вам право на профессуру подобного рода?» Его «Курс положительной философии», который стал выходить отдельными томами с 1830 года, уже по одной своей оригинальности не мог проложить ему дорогу в среду академиков. Как репетитор и экзаменатор Конт безупречно исполнял свое дело. Он экзаменовал юношей, желавших поступить в Политехническую школу. Экзамены проводились не в Париже, а в разных провинциальных городах, куда он и должен был ездить в определенное время. На первых порах его приемы экзаменования, неожиданные и замысловатые вопросы, искусно обнаруживавшие действительные познания кандидатов, и вместе с тем его полное беспристрастие и справедливость вызвали всеобщее одобрение как среди преподавателей, так и среди молодежи. Но все эти вопросы скоро также превратились в рутину своего рода. Кандидаты заранее знали, что спросят у них и какие ответы следует давать. Конту указывали на это; но он продолжал неизменно держаться своей системы. Таким образом, едва ли одно только недружелюбие и педантизм ученой корпорации были причиной тому, что положение Конта в Политехнической школе начало колебаться.

В 1842 году он затеял процесс с издателем своего «Курса положительной философии», наделавший немало шума и еще больше ухудшивший положение философа в Политехнической школе. Дело возникло из-за знаменитого ученого Араго. Конт во всех своих неудачах винил последнего и в личном предисловии к шестому тому прямо говорит, что неразумные и притеснительные распорядки, установившиеся в течение десяти последних лет в Политехнической школе, должны быть приписаны, главным образом, гибельному влиянию Араго, этого истинного виновника всех пристрастий и заблуждений ученого класса. Нужно заметить,

что это личное предисловие, – знаменитое, как называет его Конт, – было написано с той целью, чтобы поставить ребром вопрос о его положении среди ученых-математиков и чтобы при содействии публики оказать давление на последних. Араго не обратил внимания на выходку раздраженного экзаменатора. Но издатель, большой поклонник знаменитого ученого, напечатал от себя несколько строк и привел слова Араго, объяснившего злобное отношение к нему философа тем, что он не признал за ним ни больших, ни малых заслуг по части математики. Конта взбесили и слова Араго, напечатанные при его же труде, и дерзость издателя, даже не предупредившего его о своем предисловии. Таким образом, возник процесс. Конт сам защищал свое дело и выиграл его. Суд постановил уничтожить предисловие издателя и обязать его покрыть все убытки, причиненные автору. Но благополучный исход дела не доставил последнему торжества, которого он добивался. Напротив, поставленный ребром вопрос сильно накренился в сторону, для него вовсе не желательную. Дело в том, что избрание экзаменатора в Политехнической школе подвергалось, по установленным правилам, ежегодной перебаллотировке. При хороших отношениях экзаменатора со школьным советом это была одна лишь формальность. Конт переизбирался обыкновенно единогласно. Но по мере того, как отношения портились, им, естественно, все больше и больше овладевало беспокойство потерять место. Действительно, мучительно находиться в подобной зависимости даже человеку молодому, а Конту было уже за сорок.

> «Вы знаете, – *писал он Миллю,* – что у меня нет никакого имущества и что я до сих пор не мог сделать сбережений; отсюда следует, что если этот кризис случится, то я лишусь сразу половины своего едва достаточного заработка и попаду в тяжелое материальное положение… Потеря одного места почти наверно повлечет за собою и потерю другого; а раз меня удалят из Политехнической школы, я потеряю и уроки в частном заведении…»

Так Конт описывает свое положение перед баллотировкой в 1843 году. На этот раз опасность миновала; несмотря на бурные прения в совете и на то, что вопрос о его переизбрании несколько раз откладывался, он был избран в конце концов единогласно. Но ближайшее будущее нисколько не прояснилось. Конт обращался к министру с ходатайством уничтожить этот порядок переизбрания и назначить его постоянным экзаменатором. Он указывает на то,

что во время процесса с издателем ему угрожали потерей места в Политехнической школе, если он упомянет в своей речи имя Араго. Он утверждал, что подвергается преследованию не из-за личной неприязни, а из-за своих философских взглядов, за порицание ложного духа, царящего в области знания, в особенности в математике, и так далее. И хотя министр был на его стороне, но установившегося порядка не мог изменить ради частного случая. В следующем, 1844 году испытанному экзаменатору был предпочтен какой-то неизвестный человек. Материальное крушение, предвиденное Контом, началось. Но он был этим взволнован далеко не так сильно, как можно было бы ожидать. У него сложился уже иной взгляд на то, каким образом философ-реформатор должен быть обеспечен в своих средствах существования.

Итак, материальный кризис наступил, когда Конт достиг вершины развития своих умственных сил, когда он закончил и отпечатал «Курс положительной философии». Упорнейший труд целых шестнадцати лет ничего не принес ему в материальном отношении! И какой труд! Поставивший. Конта во главе философского развития мысли XIX века! Скажем теперь, как он трудился над своим сочинением.

Конт обладал удивительной памятью. Весь свой громадный запас знаний он приобрел в юности и удерживал его в голове до последних дней. Приступив к выработке собственной системы, он стал придерживаться так называемой *мозговой гигиены.* В 1842 году он писал, что вот уже двадцать лет, как перестал читать произведения, имеющие близкое отношение к тому вопросу, которым он сам занимался, исключая только те случаи, когда он рассчитывал приобрести новые фактические сведения, казавшиеся ему полезными. Такое самоограничение, говорит он, несколько стеснительно, зато благодаря ему он выигрывает в последовательности и ясности своих мыслей; может быть, в частностях он делает погрешности и упущения, но читатель не должен требовать от него специальных познаний во всех отраслях науки. Переходя в последних двух томах «Курса…» к социальным вопросам, он еще дальше проводит свою мозговую гигиену: он перестает совсем читать политические и философские журналы, даже ежедневные газеты и т. д., ограничиваясь одними только известиями Академии наук. Он хотел бы убедить всякого истинного философа, насколько подобный умственный режим, находившийся, по его словам, в тесной гармонии с его уединенной жизнью, может содействовать в настоящее время возвышенности воззрений и беспристрастности чувств, давая возможность лучше и вернее представлять себе общий характер

событий, затемняемый обыкновенно периодической печатью и парламентскими речами в интересах разных вопросов дня. По этому пути отрешения от современной литературы Конт ушел очень далеко, что, конечно, отразилось плачевнейшим образом на всех его последующих трудах. Как бы мы ни относились к этой своеобразной мозговой гигиене, несомненно одно, что она находилась в самой тесной связи с его чрезвычайным самомнением. Для человека, возвестившего людям наступление новой эпохи, для первосвященника человечества – что такое вся эта текущая пресса с ее преходящими радостями и горестями, вся эта современная литература, шумливая и мятущаяся, порывающая связи с вековыми традициями и не дающая взамен их никакого нового столь же могучего, столь же властного руководящего начала?.. С вершины своего величия Конт предлагает проходить мимо нее с закрытыми глазами. Только безграничная вера в собственный ум, только непомерное самомнение могли внушить ему мысль о мозговой гигиене. Впрочем, вначале она имела еще сравнительно безобидный характер: Конт, казалось, только хотел быть вполне самостоятельным при выработке собственной философской системы и лишь отложил до поры до времени знакомство с разными современными учениями. Но, совершив свой великий труд, он уверовал в непогрешимость его, и тогда мозговая гигиена превратилась в своего рода аскетизм.

Благодаря громадной памяти, Конт удерживал в голове не только всю массу нужных ему фактов, но и всю последовательность развития своих мыслей. Приступая к работе, он сначала долго обдумывал ее, уяснял план и основные идеи, обдумывал всё до мельчайших подробностей. Так что прежде чем писать, у него в голове было уже совершенно закончено и отделано задуманное произведение. И все это делалось без всяких набросков, заметок, конспектов. Затем он говорил себе, что книга, собственно, уже готова, остается только написать ее, и он приступал к этой чисто внешней для него операции. Взявшись за перо, он оставлял его, только дописав последнее слово, только изложивши на бумаге все то, что было у него в голове. Он превращался в пишущую машину, писал почти без помарок и тотчас же отдавал в типографию, поспевая работать за наборщиками. В корректуре он также не делал почти никаких исправлений и читал всего лишь одну корректуру. Да не подумает читатель, что мы говорим о каких-либо мелких статьях. Нет, таким образом был написан и отпечатан шеститомный «Курс положительной философии», чем, вероятно, и объясняются встречающиеся в нем повторения, длинноты и местами тяжесть

слога. Всего этого Конт легко мог бы избежать, если бы перечитывал несколько раз написанное или, по крайней мере, делал исправления в корректуре.

Экзаменаторство и репетиторство в Политехнической школе, частные уроки, затем чтение публичных лекций и, наконец, работа над философской системой поглощали все время Конта. Внешняя жизнь его отличалась чрезвычайным однообразием. Поездки, совершаемые для производства экзаменов, носили официальный характер. Все время вне занятий, посвященных зарабатыванию средств к существованию, проходило в постоянных размышлениях или писании. Единственным развлечением служили прогулки, или, как называл их Конт, «философское фланирование». Но из самого названия уже видно, что и тут размышления не оставляли его. Не без затруднений г-же Конт удалось уговорить своего отшельника отправиться в театр на итальянскую оперу. У Конта, по-видимому, была некоторая склонность к музыке. Он имел хороший голос и сам пел с большим воодушевлением и выразительностью «Марсельезу» и другие песни. Итальянская опера очень понравилась ему; он абонировался и с тех пор стал постоянно посещать ее. Впоследствии он придавал громадное значение этому своему пристрастию, видя в нем первый признак пробуждения его души к новой жизни *сердцем.* Мирное течение жизни нарушалось лишь ссорами с женой да личными счетами с разными математиками и учеными, не дававшими, как мы видели, ему ходу. Если бы Конт поменьше думал обо всей этой педантократии, не давал бы всяким личным неприятностям и неудачам взять силу над собой и придерживался бы того прекрасного правила, о котором говорила ему жена, – а именно, что великим сердцам не подобает выносить на люди свои беспокойства и внутренние страдания, – то, наверное, он вышел бы победителем из своей борьбы с ученым миром. Теперь же, раз крушение началось, философ, не сумевший по-философски отнестись к жизни, неизбежно должен был катиться под гору, пока не выкатился совсем за пределы политехнического и вообще педантократического мира.

Потеряв место экзаменатора, он некоторое время еще колеблется и сомневается: то ему кажется, что он потеряет и другие занятия, то надеется, что его непременно изберут на следующий год в экзаменаторы. Поэтому, не подыскивая никаких новых занятий, он решил воспользоваться пока для пополнения дефицита в своем годовом бюджете предложением трех англичан. Надо заметить, что «Курс положительной философии» обратил на себя внимание выдающихся мыслителей в Англии раньше, чем во Франции, или, по крайней мере, в первой раньше нашлись

мыслители, печатно заявившие свое одобрение французскому философу. Так, знаменитый физик Брюстер написал в 1838 году журнальную статью по поводу первых томов «Курса…», в которой он признает за Контом обширные познания, глубину мыслей, полное беспристрастие и так далее, хотя как истого англичанина его приводят в недоумение крайность и дерзость некоторых взглядов Конта, и он говорит, что, благодарение Богу, в английских школах невозможен еще подобный преподаватель. Но особенно много сделал для Конта Милль. Он сам признается в своей «Автобиографии», что более всех содействовал распространению Контовых теорий в Англии и что он многое почерпнул у Конта.

> «Я был пламенным поклонником сочинений Конта, – *говорит знаменитый англичанин,* – прежде чем вошел с ним в какие-либо отношения; во всю мою жизнь его я никогда не видел, но в продолжение нескольких лет мы поддерживали постоянную переписку, пока она не сделалась слишком полемической и наша ревность в этом отношении не охладела. Я первый стал реже писать, а он первый вовсе прекратил переписку…»

Переписка эта завязалась в 1841 году и продолжалась до 1845 года. В ней не только обсуждались различные философские и общественные вопросы, но Конт посвящал своего друга-философа и в свою личную жизнь, описывая ему подробно борьбу с учеными и материальные невзгоды. Милль принимал близко к сердцу тяжелое положение уединенного мыслителя и, когда ему стала угрожать опасность потерять место, предложил некоторую денежную помощь. Конт принял предложение.

> «Вы видите, – *пишет он ему по поводу потери места,* – что это случайное происшествие сводится, строго говоря, к простому денежному убытку, какой могло бы причинить мне воровство, пожар, болезнь и тому подобное. К несчастью, у меня нет, как Вы знаете, никакого имущества и никаких сбережений, а потому такой убыток, каковы бы ни были причины, вызвавшие его, чрезвычайно тяжело отзовется на моем положении. Я не могу в течение года изменить свое личное существование, ни что-либо убавить в тех удобствах, которых по справедливости может ожидать от меня болезненная женщина (жена)… С другой стороны, я не могу приискивать новых источников существования, так как в таком случае я получил бы средства уже тогда,

> когда они мне будут не нужны. Поэтому-то я вынужден искать против бедствия случайного и преходящего средство подобного же рода, то есть обращаться к помощи моих друзей и покровителей».

Затем Конт говорит, что во Франции у него нет богатых друзей, а брать деньги от людей, столь же неимущих, как и он сам, он не может. К тому же во Франции, где покровительством наук занимается в основном правительство, подобного рода патронаж развит слабо. Другое дело Англия. Там, ему кажется, нетрудно было бы собрать сумму в шесть тысяч франков среди богачей, сочувствующих позитивной философии.

> «Было бы, между прочим, небесполезно испытать в настоящее время, пользуется ли позитивная философия в Англии достаточным кредитом для того, чтобы там можно было быстро реализовать заем в шесть тысяч франков, так как я хотел бы быть обязанным в этом отношении только моим действительным единомышленникам, относящимся ко мне с почтением и симпатией».

Затем он указывает прямо на некоторых лиц, могущих, по его мнению, принять участие в подписке, но он не желал бы, чтобы Милль жертвовал чем-либо из своих средств. Милль без видимых затруднений собрал шесть тысяч франков. Их дали известный историк Грот, писатель и политический деятель Молесуорт и Райкс Кэрри. Конт был очень обрадован. «Все, по-видимому, – пишет он Миллю, – складывается теперь самым благоприятным образом, чтобы сделать для меня нечувствительным временный удар, нанесенный моему материальному положению».

Посылая деньги, Милль, однако, советовал Конту приискать себе работу и предлагал ему сотрудничество в английских журналах. Едва ли такая мысль могла понравиться Конту. Хотя он и принял предложение, и говорит даже, о чем намерен писать, однако из этого ничего не вышло. Конт в это время не только не писал уже журнальных статей, но и не читал вовсе журналов. Относительно же критического разбора разных книг он прямо говорит, что этим делом могут заняться он, Милль – по части английских книг, а Литтре – по части французских, что такое занятие было бы противно его установившимся привычкам, и просит пощадить его силы и время, которые необходимы ему для работы над основными вопросами. Действительно, Конт был сильно занят обдумыванием своего второго капитального произведения, «Системы положительной политики»; он создавал

свою положительную религию, в которой предназначал себе великую роль основателя и первосвященника. Перед его умственным взором уже мелькали многочисленные толпы последователей, которые, естественно, не допустят своего верховного наставника добывать себе средства существования посторонними заработками. А тут предлагают писать журнальные статьи, рецензии!.. Он видимо уклонялся.

Надежды Конта снова попасть на место экзаменатора не оправдались: его не выбрали ни в 1845 году, ни в 1846-м.

Между тем англичане отказались продлить еще на год свою субсидию. Это сильно раздражило философа. В письме к Миллю он высказывает уже прямо мысль, что поддержка со стороны лиц, сочувствующих его философии, должна быть не временная, а постоянная, что он, как бывший экзаменатор Политехнической школы, в высшей степени признателен за оказанную ему услугу, но, как автор «Системы положительной философии», находит, что лица, поддержавшие его, недостаточно сильно прониклись новыми убеждениями, иначе они не отказывались бы от того, что составляет их прямую обязанность. Милль защищал своих друзей. Переписка приняла несколько острый характер; к тому же философы сильно разошлись по некоторым общественным вопросам. Точное научное понимание практичного англичанина восставало против сентиментального сердечного элемента, все резче и резче дававшего себя знать в произведениях и письмах утописта-француза. За охлаждением скоро последовал полный разрыв, и в 1846 году переписка прекратилась.

Нельзя сказать, чтобы Конт в это время сильно нуждался. Он сохранял еще за собою место репетитора в Политехнической школе и преподавателя математики в частном учебном заведении, что давало ему пять тысяч франков. Но он разошелся с женой и обязался выдавать ей ежегодно три тысячи франков; ввиду стеснительных обстоятельств он уменьшил эту сумму до двух тысяч. Все же ему не хватало указанных средств, чтобы поддерживать прежний образ жизни. Частных уроков или каких-либо других занятий он не искал. Конт слишком был занят своей социальной системой. Поэтому, чтобы покрывать ежегодные недочеты, он прибегал к займам у друзей или просто пользовался безвозвратными субсидиями. В 1848 году он лишился места в частном заведении и остался, следовательно, лишь при двух тысячах франках, и то крайне ненадежных. В таком положении оставаться было уже невозможно. И вот Литтре, в то время один из самых преданных его учеников, предложил своему учителю устроить подписку между последователями. Несколько раньше сам Конт обратился с любопытным воззванием ко всему

западноевропейскому обществу. Он говорит о беспримерных преследованиях, претерпеваемых им от злобствующей педантократии; она, эта ученая клика, не останавливается ни перед чем, лишь бы только это имело законный вид. К счастью, прошли уже те времена, когда посягали на жизнь и свободу, и теперь он может поплатиться только своим имущественным положением. И вот, когда прожито уже полвека, он должен снова возвратиться к скромному и трудному занятию первых годов своей юности, то есть снова существовать на средства, зарабатываемые частными уроками. Поэтому-то он и взывает без всяких обиняков к западноевропейскому обществу и просит, чтобы ему, как простому пролетарию, была доставлена, наконец, возможность приложить свои профессиональные знания. Это – социальный долг как тех, кто принимает все учение его целиком, так и тех, кто разделяет только его философские принципы; в особенности первые должны позаботиться, чтобы «главный орган позитивизма» не изнывал в нищете в пору своей наибольшей зрелости.

> «Такое воззвание,– *справедливо замечает Литтре,* – обращенное к Западу, который был слишком обширен, чтобы оно могло быть услышано, и во имя позитивизма, который насчитывал еще слишком мало последователей, чтобы его влияние могло дать себя почувствовать, естественно, должно было остаться без последствий».

Тогда Литтре предложил Конту устроить подписку. Последний одобрил мысль своего ученика.

> «Я убежден, – *писал он ему,* – что всею совокупностью своих работ заслужил, чтобы общество дало мне средства существования даже в том случае, если бы причиною моего теперешнего бедственного положения был и не прямой грабеж… Поэтому-то я всегда буду готов принять не только без всякой совестливости, но даже и с гордостью, коллективную подписку, которая облегчит мне окончание моего великого труда, сберегая время и силы от напрасной растраты».

Литтре немедленно составил циркулярное послание, отлитографировал его и разослал за подписью двенадцати ближайших последователей Конта лицам, заведомо сочувствующим позитивизму. Желательная сумма сборов определялась в пять тысяч франков, но в первые годы она далеко

не достигала этой цифры. Конт в одном из своих ежегодных циркуляров указывает, что в подписке участвуют, главным образом, позитивисты сердца, а из позитивистов ума лишь немногие лица, и что, следовательно, содержание его падает преимущественно на лиц, ожидающих от позитивизма обновления и преобразования всего общественного строя. Конт был очень доволен, что это случилось именно так. С течением времени подписка все увеличивалась: в 1849—1851 годах она колебалась между тремя и четырьмя с лишним тысячами франков, в 1852 году она дала пять тысяч шестьсот, а начиная с 1853 года несколько превышала семь тысяч франков. В 1851 году Конт лишился последнего своего места – репетиторства в Политехнической школе – и стал жить всецело на средства последователей и людей, сочувствующих ему. С этого же года он взял в свои руки и саму организацию подписки, рассорившись с Литтре.

Таким образом, Конт достиг цели: он избавлен был от необходимости зарабатывать себе средства к существованию каким-либо посторонним трудом и мог всецело отдаться своему призванию, всецело посвятить себя созданному им учению. Успех завидный, выпавший на долю немногих известных социальных реформаторов. Конечно, он ошибался, приписывая все свои неудачи в ученом и политехническом мире злобе и тупости царивших там людей. Не только педанты, но и настоящие ученые-специалисты не очень-то любят, когда в их среду врывается человек с громадным обобщающим умом, – человек, дерзко попирающий рутину, призывающий науку служить на благо общества и потому, естественно, переносящий весь центр тяжести научной системы в социологию. Помимо тупости и недомыслия, они ясно видят, что такой человек, в качестве репетитора или экзаменатора по математике, оказывается не на своем месте. Действительно, что общего между первосвященником религии человечества и скромным экзаменатором Политехнической школы? Не мог же весь Политехникум превратиться в храм новой религии, и не мог же человек, взяв на себя права и обязанности «связывать и разрешать» на новый лад, серьезно заниматься испытанием способностей молодых людей к математике! В 1844 году Конт не считал еще себя первосвященником, но он уже трудился над разработкой своей новой социальной системы и своего религиозного учения. Занятия в Политехнической школе для него были, скорее, помехой, чем естественным приложением сил. Уже одни эти бесконечные жалобы, постоянные упоминания при всяком удобном случае о несправедливостях и произволе, наряду с большой готовностью перейти на общественное

иждивение и даже прямыми требованиями подобного рода, – показывают, что он напрасно приписывал все свои неудачи злобе ученых. Как натура в высшей степени цельная, он не мог раздваиваться и во время экзаменов или репетиций забывать, что он – творец нового общественного учения.

Долго и упорно Конт боролся за свое материальное существование. Только под конец жизни ему довелось насладиться утешительным сознанием, что средства к существованию он получает от исполнения своей миссии. Правда, средства эти были довольно ограниченные, но для него достаточные. Конт всегда вел скромный образ жизни, а в последние десять лет он еще больше ограничил свои потребности. Любопытные подробности о жизни философа сообщает один англичанин, посетивший его в 1853 году. Конт жил тогда, как и раньше, и позже – до самой смерти, на улице Monsieur le Prince, где собираются и теперь еще его, так сказать, последовательные позитивисты. Квартира эта превратилась в их храм.

> «Служанка ввела англичанина в маленькую, уютную комнату: в камине горел огонь, у стены стоял столик, на котором лежала бумага, очевидно приготовленная для посетителей, желающих вписать свое имя. Два шкафа были наполнены книгами… Все они были в хороших переплетах, но было видно, что редко вынимаются из шкафа. Скоро вошел сам Конт, маленький сгорбленный человек в длинном сюртуке, с красноватыми глазами, цветущим здоровым румянцем, короткими черными волосами, приятными чертами лица и небольшим лбом… Заговорив о субсидии, Конт показал лист подписчиков… и выразил сожаление о том, что квартира несколько дорога для его бюджета; он платил за нее 1600 франков, но зато остальное его содержание, благодаря экономке, стоило ему около тысячи франков в год. Он прибавил, что ему было бы тяжело расстаться именно с этой квартирой, с которой связаны самые дорогие для него воспоминания, оказывающие влияние на его умственное состояние. При этом Конт указал на соседнюю маленькую комнату, которая была почти пуста; в ней не было даже ковра».

Из других источников известно, что Конт еще раньше отказался от употребления кофе, табака и что в пище он вообще отличался большим воздержанием. Единственное развлечение, которое он позволял себе, было, как мы говорили, итальянская

опера; но и от нее он отказался в эти годы своей жизни. При таком аскетизме и при полном бескорыстии ему хватало тех средств, которые доставляла ежегодно подписка, и он действительно мог сказать англичанину, что «считает себя счастливым с тех пор, как отставлен от всяких профессиональных занятий и имеет возможность посвящать всё время капитальному труду».

Борьба за средства существования – это только одна из печальных страниц в жизни великого философа новых времен; теперь мы раскроем перед читателем другую.

Глава III. Каролина Массин и Клотильда де Во

Несчастье и счастье Конта в любви. – Каролина Массин. – Женитьба. – Побеги жены. – Окончательный развод. – Письмо Конта по этому поводу к Миллю и Литтре. – Взгляд Конта на брак. – Пенсия жены. – Завещание. – На холостом положении. – Настоящая любовь. – Клотильда де Во. – Переписка. – Смерть Клотильды. – Превращение платонической любви в культ женщины.

Интимная жизнь Конта чрезвычайно своеобразна. Он был, можно сказать, глубоко несчастлив в своих отношениях с женщинами и вместе с тем в своей любви, оставшейся платонической и неразделенной, нашел такое возвышенное удовлетворение, что она произвела целый переворот в его жизни и привела его к культу женщины. Философ, споривший с Миллем по поводу женского вопроса, утверждавший, что женщина по своей природе ниже мужчины, что ни воспитание, ни социальные учреждения не в состоянии устранить пропасть, разделяющую их, превращает, в конце концов, свою религию человечества в культ женщины. Впрочем, верховным первосвященником является у него все-таки мужчина и, первым делом, философ. Как бы там ни было, едва ли человек, не испытавший глубокого, всеохватывающего чувства любви к женщине, и притом чувства, не получившего своего обыкновенного исхода, мог бы достигнуть такого спокойного, уравновешенного, методичного обоготворения женщины, каким веет на читателя со страниц Контовой «Исповеди». Личное чувство у Конта нередко выходило из узких берегов личной жизни и затопляло все поле не только общественной мысли, но и общественного дела. Так случилось и в данном случае. Канва его романа, в сущности, очень проста: он женился на девушке, которую, собственно, не любил и которая не могла составить его счастья; после семнадцати лет супружеской жизни они разошлись; затем он полюбил женщину, с которой не мог соединиться браком, но отношения с которой, продолжавшиеся около года, доставили ему, по его собственным бесчисленным заявлениям, неизреченное блаженство. По этой простой канве своеобразная духовная природа философа вырисовывает довольно сложные и любопытные узоры. У Конта были своя Ксантиппа и своя Беатриче.

Двадцатитрехлетним юношей он встретил на одном народном гулянье молодую девушку Каролину Массин. Дочь

кочующих провинциальных актеров, она не получила серьезного образования, хотя обладала незаурядными умственными способностями. Родители ее вскоре после рождения дочери разошлись. Ее взяла на воспитание бабушка; затем она перешла к матери и стала вести легкий образ жизни. Конт, по-видимому, сблизился с нею и часто посещал ее. Отношения их длились около двух месяцев. Затем Каролина возвратилась к своему первому любовнику, и Конт встретился с нею уже год спустя. У нее была тогда небольшая книжная лавка. Однако дела ее, вероятно, шли плохо, так как она решила продать свою лавку. Но еще раньше она пригласила Конта давать ей уроки алгебры. От алгебры молодые люди перешли к вопросу о совместной жизни, а затем и к браку. Отец Конта не хотел и слушать о затее сына. Тем не менее, гражданский брак их со всеми необходимыми формальностями состоялся 29 февраля 1825 года. Огюст вскоре понял, какую страшную ошибку он совершил. Он, собственно, не любил Каролину и рассчитывал на признательность и благодарность той, которую избавил от позорного ремесла.

> «Не считая себя ни красивым, ни даже приятным, но вместе с тем испытывая живую потребность любви, – *рассказывает он сам довольно прозаически об этом союзе,* – я выбрал себе жену, которая должна была любить меня в силу особой внутренней признательности, обусловливаемой исключительными условиями этого брака, хотя оба мы были одинаково бедны. Если бы эта справедливая надежда осуществилась, я мог бы привязаться к ней навсегда. Мои предположения оправдались бы, вероятно, по отношению ко всякой другой женщине».

Но Каролина Массин руководствовалась другими побуждениями. Умная от природы и энергичная, она в ученой карьере мужа думала найти удовлетворение своему честолюбию; затем, она не желала ни в чем стеснять себя… К тому же Конт был, несомненно, ревнив и нетерпимо относился к благосклонности, оказанной его женой постороннему человеку. При таких условиях скоро и неизбежно должны были возникнуть семейные раздоры.

> «Если бы она была только порочной, – *заявляет философ,* – то, быть может, я прощал бы ей ее проступки; но она проявляла бессердечие, не обнаруживала ни малейшей нежности, и я неизбежно должен был почувствовать к ней в конце концов презрение».

Сделавшись женой Конта, Каролина с первых же шагов стала давать поводы к разным недоразумениям, подозрениям и ревности. Пользуясь самыми ничтожными предлогами, она уходила от мужа и проживала неделями в меблированных комнатах. Философ смотрел на это как на шалости. Первая крупная ссора между ними произошла год спустя после женитьбы, в 1826 году. Конт был сильно потрясен и плача рассказывал о причине этой ссоры своему другу и исповеднику Ламене. Вслед за тем он заболел душевно и едва не покончил самоубийством. Уход жены за ним во время болезни несколько примирил выздоровевшего философа. Даже в пылу своих обвинений он признавал, что поведение жены его в этом случае – единственный заслуживающий признательности поступок. Трудно сказать, однако, насколько Каролина даже в этом случае действовала бескорыстно и по внушению доброго чувства. В первый момент она обнаружила явное желание сбыть больного со своих рук в больницу. Быть может, она опасалась буйных припадков мужа. Родные Конта были возмущены. Шестидесятилетняя старуха-мать отправилась сама в Париж, чтобы ухаживать за сыном. Она оставалась при нем около семи месяцев. Только с ее приездом Конт стал поправляться. Каролина как бы очнулась и принялась энергично отстаивать свои права жены. Она взяла к себе на дом полувыздоровевшего уже Конта и впоследствии приписывала своему уходу окончательное излечение философа. Мать Конта, как мы сказали, была чрезвычайно набожная католичка и никак не могла примириться с гражданским браком сына. По ее настояниям больной еще Конт был обвенчан церковным браком с Каролиной. Эта церемония произвела на него потрясающее действие: на слова священника он отвечал антирелигиозными рассуждениями и, расписываясь в книге, прибавил к своей подписи слова: «Brutus Bonaparte». Католическая ревность не смущалась тем обстоятельством, что перед алтарем стоял полупомешанный человек.

По выздоровлении Конт всецело погрузился в свой «Курс положительной философии», от которого его отвлекала только необходимость зарабатывать средства к существованию. Среди этих забот раздоры с женой несколько поутихли. Только в 1833 году отношения между ними снова обострились: Каролина ушла из дому вторично и отсутствовала около пяти месяцев. Побег этот, говорит Конт, был вызван исключительно жаждой необузданной свободы и досадой, что она не могла распоряжаться во всем по-своему. Как ни интересно было бы для характеристики Конта как человека воспроизвести все обстоятельства этих размолвок и жизни неоднократно покинутого философа, но у нас

нет никаких сведений. Мы не знали бы, пожалуй, совсем ничего об этой семейной драме, если бы некоторое постороннее обстоятельство не вынудило Конта, выступившего уже в роли жреца новой религии, изложить перед своими последователями историю своего расхождения с женой и затем описать ее вкратце в особом письме к Литтре. Не думаем, чтобы Конт искажал или преувеличивал факты. Уже одно то, что он никого, кроме Ламене, не посвящал в свое семейное несчастье, говорит в пользу его. Напротив, когда ему, например, пришлось коснуться этого вопроса в переписке с Миллем, то он говорил о своей жене, как мы увидим сейчас, не только сдержанно, но даже почтительно. Поэтому мы можем верить указанному единственному документу, приподнимающему несколько завесу с семейной жизни злополучного философа. В третий раз Каролина ушла от него в 1838 году, «вследствие моего, – говорит он, – справедливого отвращения к преступным посещениям». На этот раз она находилась в отсутствии только три недели. За год перед этим Конт получил место экзаменатора в Политехнической школе, – место, сопряженное с частыми поездками по провинциальным городам. Казалось бы, что супруги, постоянно ссорившиеся, точно по поговорке «вместе – тесно, а врозь – скучно», должны были бы быть рады такому обстоятельству: оно давало им возможность разъезжаться и съезжаться, не дожидаясь жестоких распрей. Но на деле вышло иначе. «Ежедневная постыдная борьба» между супругами продолжалась, и в 1842 году госпожа Конт ушла от мужа в четвертый раз. Это был ее «последний побег из-под супружеского крова». Решительному шагу, по обыкновению, предшествовала довольно продолжительная размолвка. Супруги сидели по своим комнатам и даже обедали отдельно. Наконец Каролина заметила Огюсту: «Мы или слишком близко, или слишком далеко друг от друга». На это муж отвечал: «Если вы не обедаете за столом, то это потому, что вам неугодно; не могу же я посылать всякий раз жандарма разыскивать вас». Каролина решила уйти тотчас же совсем, но философ попросил ее повременить немного, пока он окончит шестой том своего «Курса положительной философии». Он тоже понимал и соглашался, что окончательный развод необходим, и принял в этом отношении бесповоротное решение; но для него как философа, задумавшего целый переворот в области мысли, важнее всяких семейных несогласий была его работа. А между тем переход на положение «соломенного мужа» нарушил бы ее правильное течение. Поэтому-то он и просил отсрочки. В письме к Миллю Конт писал:

«Личная дружба между нами, принимающая все

более и более определенный характер и возникшая раньше всякого личного знакомства, побуждает меня посвятить Вас немедленно в мои частные дела. Я говорю о серьезной перемене, скорее в хорошую, чем в дурную сторону, произошедшей со времени моего последнего письма к Вам в моем домашнем положении, вследствие добровольного и, вероятно, бесповоротного ухода г-жи Конт. Семнадцать лет тому назад я женился по какому-то фатальному влечению на женщине, одаренной редкими способностями, как нравственными, так и умственными, но воспитанной в порочных правилах и в ложных убеждениях относительно роли, какую женщина должна играть в человеческом обществе. Ее несдержанные, деспотические наклонности, при отсутствии всякого влечения ко мне, не смягчались даже теми проявлениями нежности, которые составляют неотъемлемую привилегию женщин и облагораживающую силу которых им мешает понять надлежащим образом современная анархия. Таким образом, все мои философские труды выполнялись не только под тяжким давлением разных материальных затруднений, известных Вам, но также среди еще более печальных и еще более угнетающих треволнений, обусловливаемых непрерывной гражданской войной самого интимного рода. Теперь, раз все это совершилось, я надеюсь, что, хотя мне будет недоставать внутреннего счастья, для которого я создан, но от которого я уже давно должен был отказаться, зато я буду располагать, по крайней мере, спокойствием печального уединения, с этого момента полного для меня… Как бы там ни было, Вы видите теперь, что не без печального личного опыта я так часто указывал пагубное влияние современной анархии на все усиливающееся разложение семейных уз, регулируемых до сих пор исключительно теологическими или метафизическими верованиями. Об этом уходе, уже много раньше задуманном и, в сущности, неизбежном, мне было объявлено внезапно, в июне месяце, как раз в самый разгар моей заключительной философской работы… Понимая всю опасность подобного кризиса в такой момент, я потребовал и настоял, чтобы дело было отложено до августа, что дало мне возможность окончить вполне свою работу. Пятого числа этого месяца (августа) состоялся наш развод… Он представляется мне все более и более

полезным для моей дальнейшей судьбы, так как я освободился от почти непрекращавшихся угнетения и беспокойства, в которых держало меня до сих пор ожидание новой супружеской распри. Заслуживает полного сожаления лишь то обстоятельство, что испытываемая мною столь сильно потребность любви останется неудовлетворенной, хотя я и не считаю себя заслужившим того…»

В этом письме Конт сохраняет еще, как видим, довольно почтительный тон по отношению к своей жене. Отсутствие любви с ее стороны, несоответствие характеров – вот причины, по его мнению, их неудавшейся супружеской жизни. Он признает за своей женой не только выдающиеся умственные способности, но также и нравственные. Иное впечатление производят некоторые письма его к жене, и особенно письмо к Литтре, написанное в 1851 году, когда Конт, ввиду разных толков, решился дать объяснение о своих отношениях к жене перед собранием позитивистского братства.

«В течение долгого времени, – *говорит он в письме к жене,* – Вы довольно-таки ложно понимали меня и приписывали слабости характера излишнюю снисходительность и долготерпение мое, которые проистекали на самом деле от сердечной доброты. Опыт должен теперь научить Вас, что если моя воля проявляется несколько медлительно, зато она бывает в конце концов непреклонна… После Вашего третьего серьезного побега из моего дома я предупреждал Вас, что, если подобная история повторится еще раз, мы разъедемся окончательно… Если в своей глупой надменности Вы были уверены, что я не обойдусь без Вас, то опыт скоро разубедит Вас в этом».

Таким образом, в течение пяти лет, протекших со времени разрыва, раздражение Конта не улеглось; скорее можно сказать, что оно обострилось, что принятое им решение было действительно решение бесповоротное и непреклонное, и что на робкие заявления жены относительно примирения он отвечал полным отказом. В том же письме он предупреждает ее, что если бы она вздумала возвратиться к нему и войти в его дом каким-либо насильственным образом, то он будет защищать свое спокойствие всеми законными средствами и обратится в суд с просьбой о формальном разводе. Быть может, философ и на этот раз примирился бы с женой, если бы не страсть к Клотильде де

Во, охватившая его всецело и преобразовавшая всю его духовную жизнь. Когда он писал указанное письмо, Клотильды уже не было в живых, но чувство Конта к ней не только не угасло, а, напротив, перешло в настоящее обожание. Он носился тогда с мыслью публичного прославления своего «ангела-хранителя», как он называл Клотильду, что и исполнил в предисловии к «Системе положительной политики». Для гордой Каролины это был жестокий удар. Развод с философом для нее, по-видимому, не был тяжелым, но публичного предпочтения, оказываемого другой женщине, которую он при этом прямо называет своей истинной супругой, – предпочтения, доходящего до полного восторга и преклонения, она не могла перенести. Она не любила Конта. Выходя замуж за него, она рассчитывала превратить его в «академическую машину, доставляющую ей деньги, почести» и так далее. Отсюда ее постоянное стремление удержать Конта от раздоров с разными академиками и учеными; отсюда и ее сочувственное отношение к его философским работам. И вдруг на долю другой женщины выпадает вся честь быть ближайшим другом, даже «истинной супругой» гениального философа. Нет, она этого не допустит.

Она обращается к Литтре, самому выдающемуся из учеников Конта, и с его помощью пытается примириться с философом или, по крайней мере, отговорить его от прославления другой женщины. Ее агитация вызвала разговоры в среде учеников основателя позитивизма, – разговоры, заставившие его объясниться с ними на общем собрании; а затем Литтре написал ему по этому же поводу письмо, в котором касался между прочим своей семейной жизни и призывал учителя к примирению. Конт был раздражен вмешательством жены в его взаимоотношения с Клотильдой и в ответном письме Литтре излагает историю ее побегов, тяжесть своей жизни с нею и так далее. Он говорит искренне и гораздо резче, чем в письме к Миллю.

> «Госпожа Конт, – *пишет он,* – привычная комедиантка; она почти всегда держится, точно на сцене, в особенности в отношениях с Вами… Между мною и ею никогда не было нравственного единения… Главная причина тому заключалась в особенностях характера этой совершенно лишенной всякой женственности натуры… Одаренная большим умом, а раньше и громадной энергией, она почти совсем лишена той нежности, которая составляет главную отличительную особенность ее пола». Поведение ее во время их супружеской жизни было «чрезвычайно непристойное»;

> она не питала ни к кому чувства истинной привязанности; ей «более чем чужды» были другие альтруистские чувства: уважение и доброта; она «везде отыскивает свои права и игнорирует свои обязанности»; «ум служит ей только для придумывания софизмов, чтобы оправдать свои порочные наклонности, а характер – чтобы восставать против всяких моральных правил»; она стремилась, главным образом, «к полному и грубому господству»; «полное отсутствие нравственных принципов позволяло ей прибегать к самым крайним средствам и поступкам, доходившим до побегов, когда я противился ее преступным действиям».

В таком же тоне говорит Конт о жене и в своих «Исповедях», постоянно называя ее «недостойной супругой».

Трудно сказать, насколько философ беспристрастен в этой своей характеристике. Мы привели ее, так как, во-первых, не располагаем другими материалами для выяснения отношений между Контом и его женою; во-вторых, считаем ее не далекой от истины, и, в-третьих, если она и не совсем правильна, то, во всяком случае, точно и достоверно передает отношение и чувства самого Конта, а они-то и представляют для нас в данном случае наибольший интерес. Как бы там ни было, Конт чувствовал себя глубоко несчастным в своей семейной жизни. Из-за этой женитьбы он разошелся с родными; у него не было детей; таким образом, вся сила его интимных чувств сосредоточивалась невольно на одной привязанности к жене. Как человек в высшей степени чувствительный и сентиментальный, хотя больше сознательным, чем непосредственным образом (мы убедимся в этом из отношений к Клотильде), он искал нежной женской души, а этого-то именно и недоставало Каролине. Он мог простить ей многое, простить даже ее «преступные шалости», но никак не мог примириться с тем, что вместо нежного чувства встречал с ее стороны холодный расчет или, в лучшем случае, холодный ум. К тому же Конт был чрезвычайно самолюбив. Он до конца жизни своей не мог простить Каролине, что она как-то поставила одного журналиста выше него, тогда еще неизвестного философа. Понятно, что при таких условиях (мы не говорим уже о «побегах» и других подобных выходках Каролины: может быть, они вызывались не одними ее «преступными шалостями», а и тяжестью жизни с самолюбивым, придирчивым философом) оставался один выход: разойтись. И удивительно еще, как они прожили вместе целых семнадцать лет.

На брак у Конта был свой довольно оригинальный взгляд. Он

различал в нем единение легальное и единение нравственное. Первое может быть нарушено только в случаях чрезвычайной важности, и беспристрастие Конта было так велико, что он не признавал себя в подобном положении. Что же касается второго, нравственного единения, то оно всегда может быть прекращено при недостойном поведении одного из супругов, и если при этом детей нет, то все отношения сводятся к материальным обязательствам. «Общество не может и не должно требовать, чтобы сердце отказалось от дальнейшего развития только потому, что его первый шаг не удался безукоризненно». Но разошедшиеся супруги обязаны в своих любовных отношениях сохранять чистоту. «Моя святая страсть, – говорит Конт о своих отношения с Клотильдой, – навсегда останется столь же чистой, как и глубокой». В этой чистоте, требуемой философом, однако, много тумана. Сам же он упрашивал свою возлюбленную дать ему более реальное доказательство своих чувств, и если бы она не отклонила его настойчивых требований, то что бы сталось с его пресловутой чистотой? В материальном отношении Конт обеспечил свою жену пенсией сначала в три тысячи франков, а позже, когда его собственное материальное положение ухудшилось, в две тысячи франков. Деньги эти он выплачивал до конца жизни своей и завещал своим последователям продолжать выдачу пенсии, если жена его откажется от всяких прав на оставляемую им собственность в виде трудов и домашней обстановки. Дело в том, что Конт был связан брачным контрактом, по которому признавалась полная общность имущества, какое окажется у супругов. Для последователей религии человечества была, само собою понятно, дорога вся обстановка, в которой жил их первоучитель; затем, он оставлял разные реликвии от культа Клотильды; наконец, сочинения и так далее. На все это могла предъявить свои права жена. Конт рассчитывал удовлетворить ее пенсией и в таком духе составил завещание. Но распря между супругами продолжалась и после смерти философа. Каролина не могла перенести прославления и обоготворения Клотильды. Она горделиво отвергла пенсию, уничтожила в судебном порядке силу духовного завещания и завладела всем достоянием своего четырежды брошенного супруга. Само завещание, в высшей степени характерное и важное как биографический материал, с «Исповедями», перепиской с Клотильдой и так далее, долго лежало под спудом женской непримиримости и ненависти и увидело свет Божий только в 1884 году.

Так жестоко поплатился Конт за свою необдуманную женитьбу. Ему было сорок четыре года, когда он окончательно

разошелся с Каролиной. Едва ли он мог рассчитывать на новое счастье, новую любовь. Философские занятия всецело поглощали его, и он, пожалуй, даже рад был покою и уединению, наставшему, наконец, в его жизни. Теперь ни бесплодные беспокойства и тревога, ни подозрения, ни ревность, ни вообще вся эта масса неприятностей, вытекающих из мелочных ежедневных столкновений, – я не говорю уже о побегах жены и других подобных крупных обстоятельствах, – не будут нарушать спокойное течение его жизни. Он посвятит всего себя своему призванию. Даже материальный вопрос потеряет до некоторой степени свою остроту, так как ему, отныне скромному холостяку, можно будет вести соответствующий образ жизни. Но сердце, не изведавшее еще настоящей любви, не разделяло доводов рассудка. Конту суждено было на пятом десятке лет полюбить по-настоящему, полюбить так, как любит человек один только раз в своей жизни. Жестокая судьба и тут подстерегала нашего злополучного философа. Любовь эта осталась, собственно, неразделенной, и трудно сказать, чем бы она кончилась, если бы неумолимая смерть не унесла в могилу предмет его страсти. Философ полюбил со всем юношеским пылом и не только оставался верен до конца дней своей любви, но даже превратил ее в предмет поклонения и молился на свою Клотильду, как на божество. Роман развивался очень быстро: в течение какого-нибудь года все было кончено, и Конту оставалось жить одними только воспоминаниями. Но в течение этого года он, видясь ежедневно по нескольку раз со своей возлюбленной, успел написать ей девяносто шесть писем и получил от нее почти столько же. Такова была энергия его поздней любви! Эта переписка вместе с последовавшими затем ежегодными «Исповедями» Конта служит прекрасным материалом для выяснения отношений между ними. Ввиду громадного значения, какое неожиданно вспыхнувшая страсть философа имела для всей его остальной жизни и для его учения, мы остановимся подольше на этом моменте.

Клотильда де Во была несчастнейшая женщина. Она вышла замуж за какого-то мерзавца, не зная того, – мерзавца, скоро угодившего на каторгу. Тридцатилетняя замужняя женщина, но без мужа, неопытная в житейских делах, не обладавшая никакими профессиональными знаниями, к тому же болезненная, осталась на руках своих небогатых родных. Она была довольно красива, обладала добрым, нежным сердцем и природным умом; в период знакомства с Контом у нее обнаружились даже литературные склонности: ей предложили писать фельетоны по вопросам педагогики и критики женских романов в одной ежедневной

газете; затем она написала роман, не увидевший, впрочем, света. Как бы то ни было, это была не совсем заурядная женщина. Она представляла собою прямую противоположность сухой, положительной, рассудительно-материалистической Каролине. Конт встретил ее в первый раз в 1845 году в одном знакомом семействе. Некоторая общность семейного положения сразу сблизила их. От обаятельного образа страдающей женщины повеяло добротой, нежностью, лаской, повеяло тем, чего измучившийся философ тщетно ожидал целых семнадцать лет от рассудительно-умной, но бессердечной и нечувствительной Каролины. Скоро между ними завязалась переписка. Уже в своем четвертом письме философ пишет ей, что его не удовлетворяют одни возвышенные влечения всеобщей любви, вызываемые в нем его собственными философскими размышлениями, и что действительные потребности любви не находят удовлетворения в смутных философских концепциях. Одни эмоции нисколько не противоречат другим; напротив, по его мнению, они находятся в соответствии и взаимно возбуждают друг друга. Красота физическая, нравственная и умственная обладают внутренним родством и благодаря ему получают надлежащую взаимную оценку. Нравственный подъем духа наравне с умственным особенно необходим в такого рода работах, какими занимается он, – в той социальной философии, которая стремится развивать, насколько возможно, величие человеческой природы; а это последнее зависит больше от благородства, чем от широты понятий. «Без всякой сентиментальной аффектации, – прибавляет философ, – я должен сказать, что своим сладостным нравственным возрождением я обязан Вам. И какой громадный контраст представляет это состояние по сравнению с тем, в каком я находился раньше!..» Клотильда поняла, какое чувство заговорило в Конте; ей было неприятно, и она написала, что если бы она не привыкла в продолжение долгого времени скрывать своего сердца, то она вызвала бы у него скорее сожаление, чем нежное чувство. «Вот уже год, – говорит она, – как я каждый вечер спрашиваю себя, буду ли я иметь силы прожить следующий день… С такими мыслями не делают безрассудных поступков». Конт сознается в своей ошибке, обещает побороть себя, подчинить «восхитительную страсть, охватившую его», «чувству нравственного совершенства», признавать и уважать добродетельные границы, в которые возвратила его Клотильда. Он обвиняет в грубости мужской пол.

«Вы должны были заметить во мне, – *пишет он,* – эту странную и поразительную особенность, которая дала

мне возможность сохранить при полной физической зрелости всю свежесть и горячность юности со всеми преимуществами ее непосредственности и со всеми неудобствами ее неопытности… Но Вы не можете знать, насколько мое экспансивное сердце, ни разу не раскрывавшееся еще как следует, отличается чувствительностью. Так мало вероятным представлялось, чтобы Вы могли встретить во мне единое, чистое, глубокое чувство… И, однако, нет ничего более верного, так как моя формальная женитьба была вызвана, в сущности, не истинной страстью, а необдуманным благородством… Да послужит это обстоятельство извинением мне в Ваших глазах за мои чувства…»

Клотильда увидела необходимость еще решительнее заявить о невозможности тех чувств, о которых говорил и писал ей философ.

«Именем того чувства, – *отвечает она ему,* – какое Вы питаете ко мне, прошу Вас, работайте над обузданием страсти, которая сделает Вас несчастным. Любовь без надежды убивает душу и тело… Вот уже два года, как я люблю одного человека, от которого меня отделяет двойная преграда. Тщетно я пыталась превратить это гибельное чувство в любовь матери, в нежность сестры, в преданность друга, – оно терзало меня во всяком виде. И я снова начала жить только тогда, когда набралась храбрости уйти, удалиться. Теперь мне особенно необходимо спокойствие и деятельность. Сохраните Вашу дружбу ко мне и верьте, что я ценю как следует Ваше сердце… Я желаю, чтобы Вы не приходили ко мне. Пощадим наши чувства друг к другу…»

Теперь только Конт убедился, что он ошибался и что судьба взваливает на его плечи страшную тяжесть неразделенной любви.

«Благодарю Вас сердечно, – *пишет он ей,* – за Ваше мучительное доверие… Конечно, было бы еще лучше, если бы это решительное заявление было сделано тотчас после фатального проявления моих злополучных чувств, которые в таком случае не могли бы так глубоко укорениться в моем сердце. Как бы там ни было, лекарство, я думаю, будет принято еще вовремя, чтобы помешать нежелательному развитию страсти, могущей погубить во мне даже рассудок… Я думал, что мне

необходимо только обуздать мои чувства и ввести их в границы, желательные Вам, сохраняя их в душе. Но теперь речь идет о гораздо большем. Ради Вас и ради самого себя я должен употребить все мои силы, чтобы погасить единственную истинную любовь, какую только я способен чувствовать… Верьте, сударыня, я успею овладеть собою. Моя любимая философия, не распускающаяся в пустых словах, может, смотря по надобности, вдохновить человека на отречение так же, как и на деятельность. Она предохранит меня от всякой безумной борьбы с явно непреодолимыми препятствиями. Я снова буду искать, как мне уж не раз приходилось, отвлечения и вознаграждения за незаслуженные несчастья моей личной жизни в общественной деятельности… Пусть человечество извлечет пользу из этой чрезвычайной, но неизбежной жертвы! Я должен с этих пор удвоить свою любовь к нему. История показывает, что человечество никогда не бывает неблагодарным. Но – увы! – оно наградит меня своею святой вечной любовью лишь много времени спустя после того, как я буду неспособен уже воспринять это неизреченное утешение, которое доступно бывает людям только в виде идеального предвкушения…»

Но да не подумает читатель, что Конт в самом деле решительно вознамерился подавить свою страсть. Впрочем, может быть, он и искренно принимал такое решение, но ему не удалось привести его в исполнение. Немного позже, обращаясь снова к своим чувствам, он говорит, что если станет свободным человеком, то не женится ни на ком другом, кроме Клотильды, а если она не пожелает этого, то останется одиноким. «Мое сердце, – заключает он, – видит в Вас, в конце концов, истинного друга в настоящее время и достойную супругу в мечтах о будущем». С этих пор философ начинает величать Клотильду, несмотря на ее то решительные отказы, то уклончивые ответы, своею истинной супругой. Так, на вышеупомянутое письмо она отвечала:

«Я несколько раз перечитывала Ваше письмо, стараясь понять чувства, которые подсказали Вам его… Но я совершенно не могла понять Вас… Я чувствую к Вам глубокое уважение и искреннюю привязанность. Величайшим удовольствием для меня было бы также дать Вам положительное доказательство моих чувств к Вам… Но в моем положении нет ничего мистического, и

мне нечего поверять Вам, кроме того, что я уже сказала… Что касается моего сердца, то позвольте мне не думать о нем. Я буду Вашим другом всегда, если Вы хотите этого; но больше, чем другом, я не буду для Вас никогда. Смотрите на меня как на женщину уже не свободную и будьте вполне уверены, что при всех моих печалях у меня найдется место для великих привязанностей. Никто больше меня не сострадает бурям сердца, но они разбили меня, и я чувствую себя беспомощной перед ними… Я прошу извинения, что посылаю Вам такое письмо. Ложные и двусмысленные положения для меня невозможны: я пыталась, как могла, рассеять Ваши сомнения относительно меня…»

Тут все ясно. Но Конт не унывает. Он находит, что сладко любить можно и без взаимности. Она будет дамой его сердца, а он – рыцарем, ведущим борьбу с анархическим разложением современного общества, и она будет вдохновлять его в предстоящей работе (философ обдумывал тогда свой второй капитальный четырехтомный труд – «Систему положительной политики»). Клотильда поколебалась.

«Ваша нежность ко мне и Ваши высокие качества привязали меня искренно к Вам и побуждают меня подумать о нашей судьбе. Я попробовала обсудить с самой собою вопросы, на которые в разговоре с Вами обыкновенно набрасывала покрывало молчания. Я спросила себя: как в положении, подобном моему, можно было бы подойти ближе всего к счастью, и пришла к мысли, что для этого необходимо довериться серьезному чувству. Со времени моих несчастий моей единственной мечтой было материнство. Но я дала себе слово соединиться только с человеком достойным и способным понять это. Если Вы считаете себя в силах принять всю ответственность, налагаемую семейною жизнью, скажите мне, и я решу свою судьбу… Отвечайте мне со всем спокойствием и рассудительностью, требуемыми таким важным вопросом. Я Вам выскажу определенно свои чувства. Не приходите ко мне… Я Вам доверяю остаток своей жизни…»

Конт читает и перечитывает это письмо на коленях перед «алтарем» (креслом Клотильды). Конечно, он принимает на себя все последствия и все обязательства их окончательного сближения. Конечно, он также мечтает о возвышенных чувствах

отца, и как сладко ему представлять себя отцом ребенка Клотильды. Конечно, он будет считать себя с сегодняшнего дня неразрывно связанным с нею, – все равно, получат или не получат общественную санкцию их отношения. Отныне она – его действительная супруга. Пусть она не медлит с полным и решительным доказательством своих чувств по отношению к нему. Без этого, говорит он в следующем письме, «наше соединение все еще не будет отличаться прочным характером и его будет смущать малейшая вещь». Без такого запечатления их союза он не будет уверен, что она так же безусловно принадлежит ему, как он ей. Он с великим беспокойством ожидает ее решительного ответа. Казалось, настала пора осуществиться всем его мечтам, настала пора неизреченного счастья, которого он ожидал так долго и так тщетно. Разве он не заслужил его своею безупречно нравственной жизнью и разве он не был способен взять и насладиться им? Это был, так сказать, апогей счастья Конта, но – увы! – счастья в мечтах. Клотильда остановилась перед решительным шагом. Почему? По-видимому, она сознавала, что недостаточно любит философа, чтобы стать его женой, а поступить в данном случае по расчету… может быть, не стоит.

> «Простите мое неблагоразумие, – *отвечала она на предложение Конта,* – я чувствую себя бессильной перед всем тем, что дышит страстью. Прошлое еще терзает меня, и я обманывалась, рассчитывая, что могу справиться с ним… Дайте мне время…»

Такой ответ для Конта был неожиданностью. Он отвечал укорами.

> «Как! – *пишет он,* – в пятницу Вы сами пообещали мне неожиданное блаженство в близком будущем, в субботу Вы подтвердили это, в воскресенье Вы уже уклоняетесь, а в понедельник Вы берете назад свое слово! Не значит ли это немного злоупотреблять женскими правами?..»

Клотильда не чувствовала, однако, себя виновной.

> «Я неспособна отдаваться без любви, – *отвечает она ему.* – Я знаю брак и знаю себя лучше первого ученого в мире… Умоляю Вас, не говорите о своих правах и своих жертвах в воскресенье: и то, и другое – иллюзия. С женщиной тридцати лет не обращаются, как с маленькой

девочкой. Я была виновата и сознаю это. Я страдаю из-за своего поступка; но я страдаю слишком сильно для того, чтобы Вы еще напоминали мне об этом… Наш разговор в воскресенье изменил мой взгляд на наши отношения: ничто не заставит меня отказаться от моего плана».

Она предлагает ему дружбу, советует забыть, что она женщина, и жить, как живут вообще холостые люди. Философ соглашается принять ее дружбу, хотя заявляет, что никогда не перестанет любить ее. Что же касается второй половины ее советов, то он отвергает их, находя их невозможными для себя.

«Это все равно, – *говорит он,* – что отдать свою душу Вам, а тело кому-либо другому; мое сердце неспособно на такое раздвоение. Я умею страдать и уважать, но ни лгать, ни раздваиваться. Я не могу глядеть на Вас иначе, – прибавляет он все-таки, – как на своего истинного друга в настоящее время и на свою достойную супругу в близком будущем».

Запоздалая любовь философа близилась, однако, уже к развязке, не зависящей от рук человеческих. У Клотильды, женщины вообще слабой и болезненной, открылась чахотка. В то же время она всеми силами души своей рвалась выбиться на дорогу независимой трудовой жизни. Попытки ее устроиться в газете окончились неудачно. Среди всех этих невзгод, видя страдания Конта, она еще раз возвращается к мысли принять его любовь, но так нерешительно, что сам философ отклоняет ее. В конце концов он примирился, по-видимому, со своим положением и пишет ей:

«Воодушевленный, хотя – увы! – несколько поздно, благородной страстью, которая одна должна господствовать надо мной, я вынужден подчиниться достойным образом своей неизбежной судьбе, какой бы суровой она ни представлялась мне. Я осознал, наконец, необходимость искренно подготовить себя к самому неблагоприятному разрешению нашего вопроса, но вместе с тем и самому вероятному, принимая, что Ваше отношение ко мне никогда не перейдет за границы дружбы».

С этих пор он будет смотреть на себя и на нее как на жениха и невесту, разлученных непреодолимыми обстоятельствами, или как на супругов, вынужденных по мотивам первостепенной

важности жить по-братски. За себя он мог ручаться, что не изменит своей любви и не даст повода к ревности. А Клотильда? Ведь она может полюбить другого. Эта мысль приводила Конта в ужас, и он старается дать понять Клотильде, что она должна пообещать, что их платоническая любовь никогда не будет нарушена таким образом. Трудно сказать, дала ли бы подобное обещание Клотильда, так как она резко заявляла ему, что «никогда не впадала в посмешище спиритуализма». Всякие платонические чувства, по-видимому, были совсем не в натуре этой живой и непосредственной женщины. Но сама судьба, отнимая у философа единственное утешение всей его личной жизни, спасала его, быть может, от горчайших терзаний и мучений. Чахотка быстро развивалась у Клотильды, и, проболев несколько месяцев, она умерла на руках Конта.

Не стало любимой женщины, но любовь продолжала гореть в душе философа ровным, чистым пламенем. Живая Клотильда могла причинять ему боль и горе, могла вызывать раздражение; с нею у него могли быть и были несогласия. Мертвая же она сразу стала образцом недосягаемого совершенства. Чувство, не нашедшее себе реального удовлетворения, обратилось в спокойно-рассудительный религиозный экстаз. Не к облеченной плотью красивой молодой женщине обращался теперь духовный взор Конта, а к эфирному образу идеальной женщины, матери всего человечества, истинному представителю собирательного человечества! На первых порах, прославляя ее в своих «Исповедях», он вспоминает еще о «чистых ласках», «любовных взглядах, возбуждающих энергию мысли и дающих чувствовать всю прелесть существования», и т. д. Но скоро всякий намек на что-либо плотское исчезает и остается одно только платоническое восхищение и религиозное преклонение. Если вначале он протестовал в. глубине души против разных преград, которые она ставила развитию их чувства, то теперь радуется, что их общение не потеряло своего исключительно чистого характера.

> «Скоро мне исполнится пятьдесят лет, – *пишет он там же,* – и я уже освободился, благодаря тебе, от вожделений, не сделавшись оттого менее чувствительным к сладостным душевным движениям. Я достиг; хотя поздно, того высшего нравственного совершенства, того беспрерывного вдохновения всеобщей любовью, которого многие люди, даже знаменитые, никогда не достигали… Это высшее господство над самим собою составляет последнее, и вместе с тем самое ценное, приобретение каждого

человека. Без тебя я никогда не мог бы оценить его надлежащим образом».

В своих «Исповедях» Конт постоянно обращается к Клотильде, как к живой, сообщает ей обо всех успехах позитивной религии, о своем положении «первосвященника» и пишет их аккуратно каждый год. Он перечитывает ее письма и, чтобы сделать наслаждение постоянным и длительным, читает по одному письму и именно в то число, когда оно было написано. Он преклоняется перед креслом, на котором обыкновенно сидела Клотильда, хранит как религиозные реликвии цветы, присланные ею; наконец, начинает прямо молиться на нее. Клотильда превращается в настоящую святую, в его ангела-хранителя.

> «Единственно тебе, моя святая Клотильда, – *читаем в ежедневных молитвах, составленных философом,* – я обязан тем, что не умру, не испытав должным образом возвышенных чувств, свойственных человеческой природе». «Благородная и любящая покровительница, – читаем в другом молении, – твое непреходящее восхитительное влияние коренным образом улучшило всю мою нравственную и даже физическую природу. В особенности я благодарен тебе за то, что ты вдохнула в меня чистое чувство, истинного смысла которого я не понимал до тебя и которое, я надеюсь, будет поддерживаться и далее, благодаря естественной устойчивости твоего свободного влияния. Твое ангельское вдохновение будет все больше и больше овладевать мною и направлять мою дальнейшую жизнь, как общественную, так и частную, совершенствуя мои чувства, расширяя мысли и облагораживая поведение… Мертвая, как и живая, ты, моя святая Люция (героиня повести, написанной Клотильдой), навсегда должна остаться истинным центром моей второй жизни, которою я тебе главным образом обязан…»

В завещании Конт просит положить тело его, когда он умрет, в один гроб с Клотильдой, а если это окажется невозможным, то, по крайней мере, схоронить их в одной общей могиле, перед которой в свое время «преклонится с признательностью коллективное знамя возрожденного Запада».

Я привел достаточно подлинных выдержек, чтобы читатель мог составить себе ясное понятие об этой необычной любви нашего философа. Основатель позитивной школы оказывается повинным в самом идеальном платоническом чувстве. От

платонического чувства, которое бывает лишено страсти, он легко переходит к рассудительному религиозному поклонению, при этом женщине, естественно, отводится первое место. С течением времени Клотильда получает себе в сотоварищи Розалию (так звали мать Конта) и Софию (служанку Конта, у которой он крестил вместе с Клотильдой ребенка). Нас поражает эта удивительная способность отрешаться от действительной жизни и жить фантомами собственной мысли! Уединенный, изолированный мыслитель, лишенный, собственно, всяких семейных и родственных связей, без друзей, всецело погруженный в свои размышления и мечты о будущем устройстве человечества, создает, взамен реальных недочетов в своей жизни, идейные утехи. Отцом (своего еще живого отца он считал недостойным) для него является Кондорсе; матерью – его мать Розалия, с которой при жизни он также не ладил и которую признал только после ее смерти; супругой – Клотильда; дочерью – упомянутая София; братьями и сестрами – также посторонние люди, которых он и не видел, быть может, даже в лицо. Клотильда, его отношения с ней послужили толчком для подобного рода фантастических построений. Раз вступивши на этот путь, он скоро дошел и до своих великих фетишей. Если мысль о религии человечества явилась прямым последствием всего философского учения Конта, как то допускает и Милль, то далеко нельзя сказать этого относительно его религиозного культа. Тут, несомненно, сказалось громадное влияние Клотильды, и не самой ее личности, вообще довольно жизненной, как мы видели, а сложившихся между ними взаимоотношений.

Глава IV. Участие Конта в общественной и политической жизни своего времени

Адрес к Луи-Филиппу. – Отказ от поступления в национальную гвардию. – Трехдневный арест. – Бесплатные лекции по астрономии. – Защита Армана Марраста. – Конт и Февральская революция. – Свободная ассоциация для распространения позитивных знаний. – Примирение с Араго. – Позитивистское общество. – Три комиссии: труда, образования, правительства. – Общество принимает религиозный характер. – Публичные лекции по всеобщей истории человечества. – «Позитивный катехизис». – Позитивная библиотека. – Отношение к декабрьскому перевороту. – Письмо к Николаю I. – Письмо к Решид-паше. – Сношения с генералом иезуитов. – Конт в качестве жреца человечества. – Позитивистский календарь.

Конт не был философом-отшельником, разрабатывающим в тиши кабинета философские схемы и принципы. Уже по самому характеру своей положительной философии, в которой первенствующее значение отводится социологии, он должен был чутко относиться к различным общественным движениям своего времени. Кроме того, юность, проведенная в революционных кружках и в обществе Сен-Симона, была закваской на всю жизнь. С течением времени мог измениться взгляд на тот или другой вопрос, могло измениться даже само мировоззрение, но не могло пропасть тяготение к общественной жизни и деятельности. Конт не только признавал, но и на собственном примере показал, что действительная философия не замыкается в схоластических выкладках и метафизических отвлеченностях, а, напротив, отвечает на все запросы жизни и руководит человеком. Остановимся на более крупных фактах.

На глазах Конта разыгрались две революции: 1830-го и 1848 годов. И в том, и в другом случае он не оставался посторонним зрителем, хотя и не кидался в самый разгар политических страстей, вообще чуждых ему. Июльскую революцию он приветствовал как желательное явление. Когда же надежды, возлагаемые на нее, не оправдались и недовольство против правительства Луи-Филиппа начало принимать острый и опасный характер, тогда Конт во главе постоянного комитета политехнической ассоциации выступил с адресом к королю. В

этом адресе, редактированном философом, указывается на всеобщее недовольство массы населения, ожидавшей от «великой Июльской революции» какого-либо положительного улучшения в своем политическом и социальном положении, между тем как все дело свелось к простой перемене власти. Причины тому: легкомысленное самохвальство законодателей, пожелавших присвоить себе славу и выгоды общественного обновления, по отношению к которому они были, собственно, совершенно посторонними лицами; чрезвычайно небрежное отношение палат и министров ко всему тому, что касается народного образования; их презрение к желаниям народа принимать участие в общественных выгодах в меру своих трудов на общую пользу; наконец, признанная несостоятельность в умственном и нравственном отношении тщеславной аристократии, которая не имеет никаких других прав на руководящую роль в обществе, кроме своего рождения и богатства. Таковы, по мнению адресатов, коренные – явные и скрытые – причины обнаружившегося недовольства народа. Подавленное в данный момент недовольство это неизбежно проявится вновь при всяком удобном случае. Поэтому, считая, что палаты по своей политической неспособности и нравственной дряблости не доведут до сведения его величества истинного положения вещей и не укажут средств, могущих поправить дело, комитет политехнической ассоциации считает себя вправе обратиться прямо к нему и предложить его величеству свое содействие против всяких анархических попыток, но вместе с тем просит его вступить на путь самых широких прогрессивных реформ – единственный путь, согласный с истинным духом современного общества. В этом адресе высказывается уже, хотя еще нерешительно, основная мысль Конта: борьба с анархией при помощи самых широких общественных реформ, и, в частности, указывается три области, где необходимость таких реформ чувствуется всего сильнее, именно: народное образование, экономическое положение трудящихся классов и отжившие свой век привилегии аристократии. Адрес остался без последствий.

Вскоре после этого Конт попал в переделку, которая могла плохо кончиться для него. Он уклонился от зачисления в национальную гвардию, когда того потребовали власти. Призванный к ответу перед дисциплинарным судом, он заявил среди прочего, что национальная гвардия, по мысли закона, учреждается для того, чтобы защищать правительство, устанавливаемое Францией для себя. «Если бы, – продолжал он, – дело шло единственно о поддержании порядка, я не уклонялся бы от тягостей, налагаемых этим законом; но я отказываюсь

принимать участие в исключительно политической борьбе. Я никогда не брошусь на правительство с оружием в руках. Но, будучи республиканцем по сердцу и мыслям, я не могу присягнуть, что буду защищать, с опасностью для своей жизни и жизни других людей, правительство, с которым я вступил бы в бой, если бы был человеком действия». За уклонение от поступления в национальную гвардию суд приговорил его к аресту на три дня. Только какая-то случайность спасла философа от более жестокого наказания за такое бесстрашное объяснение. Под арестом Конту сиделось, по-видимому, недурно: он захватил с собою много книг, бумаги, чернил и т. д.; ученики, которым он давал уроки, приходили к нему в камеру, и он продолжал там заниматься с ними. Жена тотчас же навестила его; одним словом, Конт сразу же устроился в тюрьме, как дома, – словно рассчитывая пробыть в ней целые месяцы.

В 1831 году Конт начал читать свои общедоступные бесплатные лекции по астрономии в здании мэрии, продолжавшиеся до 1848 года. Чтения происходили по воскресеньям. Они предназначались для публики, не обладавшей математическими познаниями, и посещались даже рабочими. Последних, да и вообще всю собиравшуюся на лекции публику привлекала не столько астрономия, сколько те общие идеи, которые излагал попутно философ: значение астрономии, связь ее с другими позитивными науками, наконец, основные идеи позитивизма вообще. Конт невольно стремился превратить свои лекции по астрономии в философские чтения, в курс позитивизма. От отвлеченной науки он переходил к социальным вопросам времени и, ввиду бесконтрольного и безграничного господства капитализма, говорил о необходимости вмешательства государства в отношения между предпринимателями и рабочими. Само собою понятно, что такие речи нравились и вызывали одобрение публики, собиравшейся слушать их. Два раза философ заходил так далеко в «ненадлежащие сферы», что вызвал вмешательство администрации. Однажды он позволил себе сделать несколько иронических замечаний по поводу того лицемерия, которое так часто выдается за религиозное чувство. Духовные журналы забили тревогу. Министр народного просвещения послал на лекцию инспектора послушать, что говорит философ. Это был Жоффруа Сент-Илэр. Он дал заключение в пользу Конта, и тот мог беспрепятственно продолжать чтения. Но в другой раз ему сделали замечание, чтобы он не выходил за пределы своего предмета, и в ответ на его стремление превратить лекции по астрономии в лекции по позитивной философии власти

пригрозили прекратить их совсем. С течением времени Конт обработал свои лекции в общедоступный курс по философии астрономии, изданный им в 1845 году.

В 1835 году мирные занятия философа снова были нарушены политическими событиями. В Лионе вспыхнуло восстание, которое привело многих людей на скамью подсудимых. Между последними находился Арман Марраст, редактор революционной газеты, а впоследствии президент Учредительного собрания. Он выбрал себе в защитники Конта. Философ не отказался от такой чести, хотя и рисковал потерять место репетитора в Политехнической школе.

Наиболее деятельное участие в политической жизни своего времени Конт принял в бурные дни революции 1848 года. Он не сражался на баррикадах и не призывал народ к оружию. Он всегда был далек от каких бы то ни было насильственных действий, а в 1848 году более, быть может, чем когда-либо раньше. К этому времени у него уже было совершенно определенное воззрение и на устройство будущего общества, и на те пути, которыми человечество вернее всего может достигнуть его. Но вместе с тем мыслитель-реформатор не мог молчать, когда все общество, казалось, было потрясено до самых основ своих и готово было обратиться от политических реформ, перемещавших власть из одних рук в другие, к социальным, обеспечивавшим за трудящейся массой участие в благах цивилизации. Насколько Конт чувствовал себя одиноким среди политических партий того времени, боровшихся за власть, показывает его письмо к Миллю, написанное еще в 1845 году. Существующий порядок, говорит он, не отличается ни малейшей устойчивостью; он неизбежно рухнет со смертью Луи Филиппа, и две партии, вступят в борьбу за власть. Одна из них – ретроградная, слишком непопулярная, чтобы иметь какой-либо серьезный успех; другая – революционная, воодушевленная не столько принципами, сколько страстями и имеющая много реальных шансов на временный успех. Обращаясь к своему положению среди этих партий, он замечает, что от ретроградной он может ожидать если не признания, то, по крайней мере, терпимости, тогда как среди торжествующих революционеров, в особенности тех из них, которые воодушевляются учением Руссо, он встретил много противников, и притом противников, «привыкших не останавливаться ни перед какой жестокостью и прибегающих систематически к гильотине как к средству единообразного разрешения всех социальных несогласий».

«Помимо сильной личной ненависти, какую питают

ко мне коноводы, – *пишет философ,* – нетрудно понять, что предрассудки, свойственные массе этих буянов, легко могут побудить их освободиться насильственным образом от человека, философские взгляды которого прямо противоречат их гибельным утопиям. Наиболее благоразумные из деловых людей начинают понимать, что позитивизм представляет у нас единственную умственную преграду, которую они могут с надеждой на успех противопоставить в настоящее время анархическому разливу коммунизма…»

Ввиду всего этого Конт думает, что в случае торжества революционной партии ему придется искать убежища в Англии.

Расхождение между Контом и французскими революционерами 40-х годов было одним из тех общественных противоречий, какими движется человеческий прогресс. Конт, будучи, можно сказать, основателем социологии, не мог, конечно, отрицать всей силы и важности внешних условий человеческой деятельности; но центр тяжести для него все же лежал во внутренней природе человека. Он призывал людей первым делом к духовному перевороту; он требовал, чтобы они решительно и последовательно отказались от старого мистического и метафизического мировоззрения и усвоили новое позитивное учение. Только личность, возродившаяся умственно и нравственно из анархии разлагающегося общества, только личность, восстановившая гармонию между своей личной и общественной жизнью, только личность, воодушевленная любовью к другим, является истинным деятелем на пользу общественного порядка и прогресса. Так думал Конт и полагал, что с революционерами, выдвигавшими на первый план общественный или даже просто политический переворот и не придававшими особенного значения тому умственному и нравственному сумбуру, который царил повсюду вокруг них, – у него не может быть ничего общего. Мало того, зная, что в пылу страстей простое несогласие представляется противодействием, припоминая исторические параллели и придавая своей проповеди позитивизма непомерное, не соответствовавшее действительности значение, – он опасался всяческих бед для себя лично в случае торжества революционеров. Однако дальнейшие события нисколько не оправдали его опасений. Переворот совершился. Национальное собрание обсуждало вопрос об организации труда и, хотя обнаружило при этом крайнюю несостоятельность, однако не отказалось проделать некоторый опыт. Что же наш философ, проповедник антианархического,

антиреволюционного, антиполитического учения? Он не только не собирается бежать в Англию, но выступает со своей программой общественных преобразований. Оказалось, что те, кого он называл революционерами, нисколько не помешали ему говорить печатно со всеми, желавшими слушать его, собирать приверженцев, проектировать упразднение существовавших властей, ставить на их место другие и так далее.

В то время, как на улицах Парижа раздавалась пальба, Конт обдумывает свою прокламацию ко всему европейскому Западу, в которой он предлагает организовать свободную ассоциацию для распространения позитивного образования среди народа под девизом *«Порядок и прогресс»*.

> «Предварительная переработка убеждений и нравов, – *говорит Конт,* – составляет единственно прочное основание для постепенного преобразования учреждений; преобразование это будет совершаться по мере того, как общество будет свободно усваивать основные принципы того окончательного устройства, к которому всегда стремились лучшие силы человечества. Таким образом, разумное народное образование становится теперь главной, действительно необходимой мерой для естественного завершения великой революции. Эта необходимость хорошо понимается самими пролетариями, которые, несмотря на все удивительное благородство своих непосредственных инстинктов, сознают, как необходимо для них систематическое развитие».

Ассоциация *«Порядок и прогресс»* ставила своей целью знакомить народ путем даровых лекций, доступ на которые должен быть свободным и неограниченным; с одной стороны – с науками математическими, физическими, химическими, биологическими, а с другой – с историей, составляющей необходимое преддверие истинной науке об обществе. Не предрешая частностей и предоставляя их на усмотрение лекторов, прокламация устанавливала лишь общий характер чтений: все они должны быть проникнуты социальным чувством, и ум должен рассматриваться как первый министр сердца, так как в сущности есть одна только наука, именно наука о человечестве, которой подчинены все прочие. Деятельность ассоциации не ограничивается Парижем, даже Францией, она распространяется на пять передовых народов, «составляющих со времен Карла Великого великую западную республику, в недрах которой, несмотря на национальные раздоры и религиозные распри,

совершается умственное и социальное развитие, не имеющее ничего себе подобного в остальной Европе». Народы эти, кроме французов, – немцы, англичане, итальянцы и испанцы. Ввиду своего международного характера, позитивная ассоциация всегда должна держаться независимо от правительств упомянутых стран.

Конт призывал людей Запада подчинить индивидуалистический ум социальному сердцу и дружно приняться за общую работу. Желая дать пример другим и быть последовательным, он первым обратился со словом примирения к своему злейшему врагу, Араго, игравшему тогда большую политическую роль. Последовательность Конта всегда была больше умозрительной. Проповедуя подчинение ума сердцу, он, однако, всецело и всегда находился во власти своих отвлеченных философствований; голова у него всегда господствовала над сердцем. Едва ли можно указать в его жизни поступки, проистекающие непосредственно из сердечных влечений. Он полюбил Каролину потому, что ему нужно было полюбить женщину. Он полюбил Клотильду и дал волю своей сентиментальности, потому что того требовали его окончательно сложившиеся социально-философские взгляды.

Так во всем. Так и теперь. Головой он решил, что необходимо заявить во всеуслышание о примирении с Араго, и он заявляет, не спрашиваясь у сердца. Конечно, тут не было никакого корыстного в политическом смысле расчета, так как Конт прямо заявляет, что он уже давно решил не вступать на политическое поприще и что всякий философ-позитивист должен поступить таким же образом, посвятить себя исключительно жречеству пред алтарем человечества. Он просто считал нужным показать свое беспристрастие и подать пример другим для солидарной деятельности в решительные февральские дни 1848 года. Примирение это не имело, по-видимому, никакого влияния на дальнейшую деятельность Конта в качестве проповедника нового учения.

В марте того же 1848 года Конт выпускает новую прокламацию, написанную чрезвычайно растянуто, тяжело, вообще слишком уже философски для прокламации. Но она интересна не только как ответ философа на текущие вопросы жизни, но также как предложение организовать позитивистское сообщество. В этой прокламации Конт выступает перед всей западноевропейской публикой в качестве социального реформатора, берущего на себя смелость завершить бурный революционный период в истории развития человечества, поставить своего рода точку над і в разрушительной работе целых веков. «Я основал, – говорит он, – под девизом *„Порядок и*

прогресс“ политическое общество, преследующее в этот второй период великой революции, по преимуществу органический, те же задачи, какие общество якобинцев так плодотворно выполняло в первую эпоху революции, по необходимости критическую». Позитивным обществом в этой прокламации называется та свободная ассоциация для распространения позитивного образования в народе, о которой говорилось выше. Оно должно воздерживаться от всякого активного, непосредственного вмешательства в общественные дела уже по одному тому, что число членов его крайне ограничено. Но, кроме того, Конт настаивает и здесь на строгом разграничении власти умственной, духовной, направляющей от власти исполняющей, осуществляющей, действующей. Подобно якобинскому клубу, позитивное общество будет обсуждать политические вопросы текущей жизни и своими решениями, прениями и так далее влиять на общий ход дел; оно будет иметь, следовательно, *совещательный* характер. Обсуждая факты и принимаемые меры с точки зрения новой позитивной науки, выясняя действительные тенденции и указывая наилучшие средства достижения общеполезных целей, оно будет содействовать постепенному торжеству своих основных принципов и окончательной организации человечества. Революционные программы, построенные на метафизических началах, несостоятельны. Они не соответствуют стремлениям и потребностям переживаемого момента. Вот хотя бы взять сферу экономическую. Здесь стремятся, следуя метафизическим принципам, разрешать законодательным путем те затруднения, которые могут быть устранены только посредством глубокой переработки воззрений и нравов. Некоторый успех революционных учений в переживаемое время Конт считает делом преходящим и непрочным; само же провозглашение республики – фактом в высшей степени важным. Республика – это окончательное и бесповоротное отрицание всяких ретроградных надежд и чаяний, раздиравших Францию в течение столь продолжительного времени; и вместе с тем это – универсальная программа истинного социального устройства человечества. Республика, по мнению Конта, провозгласила подчинение политики морали; а только в этом направлении он видел единственный выход из переживаемого человечеством критического во всех отношениях состояния. Итак, Конт проектирует общество, которое должно создавать общественное мнение, содействовать переработке верований и убеждений, а следовательно, и нравов, направлять общественные дела, но не делать непосредственно этих самых дел; оно может обращаться с петициями в народное собрание или к центральной власти, но

должно отказаться от всякого практического вмешательства в общественные распорядки. Для того чтобы обеспечить полную солидарность между членами общества, Конт как основатель сохраняет за собою исключительное право судить об умственной и нравственной пригодности желающих поступить в него, хотя выбор его должен всякий раз подвергаться общему одобрению старых членов. От вновь поступающего обязательно требовалось, чтобы он разделял основные воззрения позитивизма, то есть признавал, во-первых, закон трех состояний (переход общества от теологического состояния к метафизическому и затем позитивному); во-вторых – относительность человеческих знаний; в-третьих – метод, идущий от мира к человеку, а не от человека к миру; в-четвертых – иерархическую классификацию наук и в-пятых – философию, построенную на научных основаниях и устанавливаемую таким образом однородность всех наших понятий. Кто не мог проштудировать шеститомный «Курс позитивной философии», тому предлагались сочинения менее обременительные. Неприемлющий приведенных пяти положений не мог попасть в члены общества. Хотя от позитивиста-философа, желающего посвятить всю свою жизнь человечеству, требовалось решительное отречение от всякой политической деятельности, однако простой позитивист, член общества, мог занимать какое угодно положение. Особенные надежды Конт возлагал на пролетариев, которые, по его мнению, и в умственном, и в нравственном отношении обнаруживали большую склонность к позитивизму. Собрания позитивных якобинцев, впредь до увеличения числа членов общества, должны были происходить у Конта каждое воскресенье.

Таким образом, в более чем скромной квартире философа-отшельника, на улице Принца, открыл свои заседания небольшой кружок лиц, поставивших себе целью радикально реформировать современное общество, не прибегая ни к каким насильственным действиям, а пользуясь исключительно силой убеждения и слова. Известный Литтре, тогда еще слепо следовавший во всем за своим учителем, с удовольствием вспоминает об этих заседаниях. «Всякие события, – говорит он, – находили себе отголосок и не раз вызывали со стороны Конта блестящие замечания, смелые философские обобщения, оригинальные исторические сближения». Но жизнь ли была иная, люди иные или задачи, только позитивистское общество не имело и тени того влияния, каким пользовался в свое время знаменитый клуб якобинцев.

Принимаясь за разработку текущих вопросов, оно выделило три комиссии; одна занялась вопросом о труде, другая – выработкой плана позитивистской школы, третья – вопросом о

сущности и организации нового революционного правительства. В последней принимали участие наиболее известные позитивисты того времени: Литтре, Лаффит, Магнин. По вопросу о труде комиссия высказала довольно скромные пожелания. Конт и вообще позитивисты относились пренебрежительно к политической экономии, и едва ли от них можно было ожидать каких-либо радикальных проектов по части реорганизации труда. А между тем этот-то именно вопрос и был поставлен на очередь революцией 1848 года. Комиссия рекомендовала устройство в разных местах общественных работ. Инициативу должно было взять на себя правительство; оно же должно доставить и средства; в качестве совещательного органа предлагались местные собрания граждан. Еще более скромным оказался проект по части позитивистской школы. Казалось бы, что в этом именно случае позитивное общество, задавшееся целью преобразовать человечество путем влияния на его верования и убеждения, выступит с планами широких и глубоких изменений в школьном деле. Вовсе нет. Комиссия предлагала лишь прибавить к программам существовавшей уже Политехнической школы биологию и социологию, а к программам Медицинской школы – физико-математические науки и надеялась, что из таких школ выйдут люди с новыми воззрениями на жизнь, – люди, способные отдать свои силы служению человечеству. Странное заблуждение. Мы знаем, что самые точные познания в биологии и социологии могут свободно уживаться с совершенно нечеловеколюбивыми, антисоциальными стремлениями. Что касается третьей комиссии, то, удивительное дело, она-то и представила самый радикальный, самый крайний проект. Философы, отказавшиеся, по крайней мере за свой личный счет, от всякой политической деятельности, потребовали весьма и весьма существенных преобразований. Во-первых, говорили они, исполнительная власть должна состоять из триумвирата, избираемого исключительно Парижем; во-вторых – триумвиры должны избираться из среды пролетариев; в-третьих – полномочия их не должны ограничиваться никаким сроком, но наряду с этим признавалось достаточным заявления нескольких десятков граждан, чтобы подвергнуть их новой перебаллотировке; в-четвертых – палата депутатов должна избираться всеобщим голосованием, а деятельность ее – ограничиваться вотированием налогов и контролем над употреблением этих налогов. Такая организация признавалась временной, пригодной лишь для переходной революционной эпохи. Полную несостоятельность ее признает сам Литтре; рассказывая обо всем этом, он говорит, что находился тогда всецело под влиянием Конта, увлекавшегося, в свою очередь, некоторыми мыслями, высказанными Конвентом

Великой французской революции. Громадную исполнительную власть в лице триумвира философ соглашался предоставить лишь пролетариям, считая их наиболее свободными от всяких сословных и классовых пристрастий; людям же богатым, капиталистам и так далее он предоставлял решение финансовых вопросов, признавая за ними надлежащую компетентность в этой сфере. Итак, неимущие распоряжаются и управляют, а имущие дают средства и подчиняются! Слишком уж фантастичный это был проект, чтобы он мог иметь малейшее практическое значение. Любопытно, что в нем уже сказалось предпочтение Контом диктатуры самоуправлению. Он не разделял радужных надежд, возлагавшихся в то время на представительное правление, и считал, по крайней мере несколько позже, что единоличный правитель может сделать больше для распространения позитивизма, чем любое представительное собрание.

Созданное Контом общество не имело никакого влияния на дальнейший ход французской революции и на политические и общественные события того времени вообще. Позитивные якобинцы не удались. Но общество не распалось. Напротив, число приверженцев нового учения росло. С течением времени образовались отдельные центры в Голландии, Америке и других странах. По мере того как Конт разрабатывал и уяснял себе культ человечества, собрания позитивистов принимали все более религиозный характер: здесь совершались разные обряды и обсуждались вопросы, относящиеся к делу служения человечеству. Таким образом, позитивистское сообщество как бы последовательно осуществляло свой принцип воздержания от политических дел. Тем не менее, глава их не упускал случая обращаться к лицам, обладавшим политической властью, со словом увещевания и предложения содействовать распространению нового мировоззрения. Со времени возникновения сообщества Конт сознательно и открыто выступает в качестве первосвященника позитивизма и духовного руководителя всего человечества. Он не только пишет книги, но говорит поучения и мечтает о том времени, когда он будет произносить проповеди в одной из первостепенных церквей Парижа. Он берется наставлять как простых смертных, приходящих на его скромную квартиру за советом, так и могущественных властителей Востока. Он принимает новорожденных и произносит именем человечества суд над умершими. Отрешившись от сферы материальной, он присваивает себе сферу духовной жизни всего человечества и считает себя призванным «вязать и разрешать». Взглянем поближе

на дела Конта – первосвященника, жреца возрождающегося человечества.

В 1849 году он открыл даровые публичные лекции во Дворце кардиналов по всеобщей истории человечества. Теперь он мог высказывать вполне и до конца свои заветные убеждения. Лекции распадались на две части. В первой философ развивал свои теории социального развития, касался прошедшего и настоящего положения человечества; во второй он обращался к будущему, рисовал картину окончательного, завершенного состояния человечества, а также той переходной стадии, которую ему необходимо будет пройти, чтобы достичь идеала. Лекции длились по три, по четыре часа с небольшим перерывом. Конт не знал утомления. На публику, предрасположенную к его учению, он производил сильное впечатление. Так, один из его последователей говорит: «Впечатление от этих лекций не могло сгладиться с течением времени, и до сих пор еще, то есть по прошествии сорока лет, воспоминание о них глубоко трогает наше сердце… Да, в эти исключительные часы, когда возвещались столь великие судьбы, мы чувствовали дыхание человечества, мы предвосхищали его реальность, его величие, мы убеждались в нем, и священный энтузиазм доказательной веры навеки возгорался в наших сердцах». Лекции эти не были напечатаны; но вышедший в 1852 году *«Позитивный катехизис»,* представляющий резюме их положительной части, может дать о них некоторое понятие. Свободная речь проповедника новой социальной религии не могла нравиться политиканам, пробравшимся к власти и замышлявшим новый переворот. Лекции запрещались, затем возобновлялись, и наконец переворот 2 декабря сделал их совершенно невозможными.

С теми же пропагандистскими целями Конт составил в 1854 году под заглавием *«Позитивная библиотека»* список книг для чтения. Сначала библиотека эта предназначалась преимущественно для пролетариев, из среды которых вербовались, главным образом, последователи нового учения, но затем получила общее значение. Список состоит из ста пятидесяти томов, разделенных на четыре отдела. Первый заключает в себе поэзию; второй – науку; третий – историю; четвертый – синтез (философию и религию). Наряду с первоклассными произведениями тут встречаются и потерявшие ныне всякое значение. Из Байрона предполагаются только избранные произведения, но отнюдь не «Дон Жуан»; наряду с Боссюэ рекомендуется кое-что из Вольтера; из Адама Смита предлагается лишь «Опыт по истории астрономии»; настойчиво рекомендуется чтение книги «Подражание Иисусу Христу» в

подлиннике и переводе, но тут же указываются «Философские опыты» Юма и так далее. Одним словом, основатель позитивизма, по-видимому, не стеснялся сводить лицом к лицу религиозных реформаторов со скептиками, полагая, что всякие недоразумения и сомнения, могущие возникнуть при этом у читателя, легко разрешаются рекомендуемым им тут же «Курсом положительной философии», «Системой позитивной политики», «Позитивным катехизисом» и так далее.

Когда проект триумвирата из пролетариев не удался и сама революция 1848 года не оправдала возлагавшихся на нее надежд, Конт обращает свои взоры к консервативному лагерю и пытается привлечь честных консерваторов на сторону нового учения. Он начинает с того, что открыто высказывается в пользу единоличной диктатуры и одобряет события 2 декабря 1851 года. По этому поводу в позитивистском обществе происходят бурные прения, оканчивающиеся выходом из состава общества Литтре и еще нескольких членов. В письме к сенатору Вьельярду, бывшему воспитателю Наполеона, тогда уже подготовлявшего свой переворот, философ пишет:

> «Наш последний кризис сделал, мне кажется, необходимым переход французской республики из фазы парламентской, которая приличествует лишь отрицательной революции, в фазу диктаторскую, единственно соответствующую видам положительной революции, которая, примирив порядок с прогрессом, положит конец ненормальному состоянию современного Запада… Позитивизм, разлагая различные партии, с тем чтобы поставить на их место истинную созидающую партию, должен одинаково объединять как достойных консерваторов, которые, по существу, не бывают ретроградами, так и честных революционеров, которые не бывают в действительности анархистами».

Наполеон не оправдал, однако, надежд Конта и вместо распространения позитивизма стал домогаться императорской короны. Как бы раскаиваясь в своей опрометчивости, философ начинает теперь усовещивать того же сенатора Вьельярда, который должен, во имя своих позитивистских воззрений, противодействовать происках претендента и в случае надобности потребовать в сенате предания суду узурпатора.

Несмотря на то, что Конт всю свою социальную организацию строил на разделении власти духовной (умственной и нравственной) от власти светской (правительства) и ратовал за полную независимость первой, он постоянно искал случая

поставить позитивизм под защиту могущественных властителей, старался убедить их и превратить в орудие распространения нового учения, как бы следуя и в этом случае примеру католицизма. Разочаровавшись в диктатуре Наполеона, он переносит свои надежды на императора Николая I. Востока не коснулась еще тлетворная зараза скептицизма, критицизма, анархизма с их конституционизмом, парламентаризмом и «диким коммунизмом», угрожающим Западу. Поэтому там, на Востоке, позитивизм может найти себе истинного защитника и покровителя, достаточно могущественного, чтоб обеспечить многочисленным массам народа мирный переход от древних, отживших понятий к новым положительным воззрениям. Не имея никакого представления о России, Конт останавливает свое внимание сначала на Николае I.

> «Государь, – *так начинает он свое письмо (1852),* — философ, неизменно придерживающийся своих республиканских убеждений, посылает одному из неограниченнейших в настоящее время правителей систематическое изложение плана человеческого возрождения, как социального, так и умственного. Но такое обращение нетрудно понять, если принять во внимание некоторые особенные обстоятельства: этот философ, начиная с первых решительных шагов, с 1822 года, постоянно боролся против верховенства народа и равенства, боролся, во имя прогресса, более решительно, чем любая ретроградная школа. С другой стороны, этот самодержец, со времени восшествия на престол в 1825 году, никогда не переставал стоять во главе гуманного движения в своих обширных владениях, предохраняя их с мудрой твердостью от западноевропейских волнений».

Затем Конт довольно пространно излагает сущность своего учения, хвалит русское правительство за то, что оно не допускает, со своей стороны, свободного обращения заграничных книг, проникнутых анархическим духом, и указывает, между прочим, что его капитальный труд «Курс положительной философии» пропущен и разрешен для всеобщего чтения (это было в 1852 году). Любопытны еще для нас некоторые суждения Конта о русских делах.

По отношению к крепостному праву позитивизм присоветовал бы не следовать слепо примеру Западной Европы и не уничтожать крупной земельной собственности, так как повсюду теперь в Западной Европе, и в особенности во Франции, сознается, какую помеху для практической реорганизации

общества и даже социальную опасность представляет недостаточная концентрация богатств; позитивизм советовал бы царю уважать накопленные богатства и лишь стараться превратить собственников в промышленных вождей и преимущественно в вождей земледельческих… В отношении развития мысли и литературы, в частности, позитивизм посоветовал бы русскому правительству еще более усилить опеку и требовать от писателей известной гарантии их способности и честности, что значительно подвинуло бы вперед дело окончательного торжества позитивной религии… Всякого же рода академические труды он предлагает просто уничтожить как «пустые и даже вредные»… Такие советы давал нам, русским, философ-позитивист из своего прекрасного далека.

Едва ли их можно объяснить незнанием русской жизни: он не входит в частности, а высказывает общие соображения, которые вытекали из его мыслей. Скорее, тут следует видеть страстное желание человека, взобравшегося на первосвященнический трон, священнодействовать во что бы то ни стало. Какое уж при этом изучение потребностей народа и сообразование с ними данных советов! Fiat justicia, pereat mundus! Да царствует позитивизм на варварском Востоке, с какими бы нелепостями ни было это сопряжено! К счастью, само письмо философа осталось неуслышанным среди снежных равнин России…

Не дождавшись ничего от русского царя, Конт пишет в 1858 году письмо к Решид-паше, в котором развивает мысль о возможности прямого перехода от ислама к позитивизму. Но Восток и в этом случае не оправдал надежд первосвященника позитивизма. Тогда он снова обращается к Западу и пытается завязать сношения с иезуитами. Известно, что чем дальше Конт уходил в своем новом учении, тем он больше и больше заимствовал от католической церкви. Он пересаживал на почву новейшего позитивизма догматы, обряды, культ. Все это, естественно, должно было в конце концов сблизить его, по крайней мере в области мысли, с современными представителями католицизма. Могущественная иезуитская организация, поддерживавшая свой авторитет при самых неблагоприятных условиях и умевшая обходиться без светских властей, представляла для него заманчивую перспективу. Генералу иезуитов он предлагал добиваться общими силами отмены церковного бюджета, так как только при таком условии и старая, и новая вера будут поставлены в надлежащие отношения друг к другу и получат возможность свободно утверждаться в сердцах людей. Беспристрастие Конта было так велико, что он выразил желание вносить ежегодно по 100 франков на нужды

католического духовенства и даже в своем «Завещании» не забыл упомянуть об этом обязательстве.

Все эти попытки Конта привлечь на свою сторону людей властных не удались. Но в качестве первосвященника вновь возникающего учения ему постоянно приходилось иметь дело и с простыми смертными. Он поучает, наставляет, руководит, разъясняет сомнения, укрепляет. У него были определенные часы, в которые он принимал желающих. И люди, склонные к новому учению, находили много утешительного и бодрящего в его личных наставлениях.

> «Немало было таких, – *говорит один из последователей философа,* – которых слова его в эти священные часы избавили навсегда от сомнения, тоски, нерешительности, от мучений и опасностей революционной болезни, от нравственного самоубийства, от этой всепожирающей язвы эгоизма, губящей в наши дни такую массу заблудших! И многие могли бы засвидетельствовать, что они никогда не приближались к этому великому человеку без того, чтобы не становились сами лучше, чище, убежденнее…»

Конечно, это слова преданного прозелита; но ведь мы и говорим теперь о значении Конта для его правоверных последователей. Быть может, для человека стороннего, смотрящего на жизнь открытыми глазами и знающего, как легко морализировать и как трудно осуществлять на деле личный идеал, все эти наставительные собеседования показались бы немного педантичными, немного суховатыми и бледноватыми, лишенными даже обыденной прелести горячей, живой проповеди, к которой вовсе не был способен наш философ.

Установив не только догму, но и культ нового учения, Конт, естественно, должен был взять на себя и обязанности по исполнению обрядов, что доставляло ему громадное удовлетворение. В своих ежегодных исповедях и циркулярах он с особенной любовью рассказывает, как воспринимал новорожденных и посвящал их на служение Великому Существу, как венчал желающих вступить в брак и соединял их на неразрывную совместную жизнь, как совершал поминовение усопших и т. д. Он устанавливает девять таинств, восемьдесят четыре праздника для отправления общественного культа, составляет молитвы, указывает самым точным образом, в какое время какие молитвы следует произносить, сколько времени проводить в молитве, какую позу принимать, и т. д. На моление он тратил ежедневно целых два часа. Его молитвы – это

надуманное излияние чувств, посредством которого он старается настроить себя на возвышенный лад. Он обращается в них к матери, супруге, дочери, человечеству. Вот примеры:

> «Любовь как принцип и порядок как основа; прогресс как долг. Любовь ищет порядка и толкает к прогрессу. Порядок укрепляет любовь и направляет прогресс. Прогресс развивает порядок и приводит к любви… *Один,* соединение, единство, беспрерывность; *два,* упорядочение, соединение; и *три,* эволюция, последовательность… Всемирная Любовь поддерживается доказуемой верой, направляет мирную деятельность. Человек становится более и более религиозным… Среди самых тяжелых мучений, какие только могут проистекать из любви, я не переставал чувствовать, что существенное для счастья состоит в том, чтобы всегда иметь сердце, достойно исполненное… даже скорби, да, даже скорби, а также истинный долг… Любить еще лучше, чем быть любимым. Нет ничего реального в мире, кроме любви… Люди устают мыслить и даже действовать, но они никогда не устают любить, даже говорить о любви…»

В таком роде все молитвы Конта. Это – набор отдельных мыслей, в которых постоянно звучат слова: любовь, жизнь для других, прогресс, порядок. Хорошие слова звучат, но человеческое сердце едва ли отзовется на них, так как не имеет обыкновения отзываться на все деланное, надуманное, лишенное непосредственного чувства.

Особенно большое значение в новом учении получает поминовение. Мир управляется мертвецами, говорит Конт. В качестве первосвященника он считает своею обязанностью произносить окончательный суд над усопшими и с этой мыслью выступает с надгробным словом на могиле известного ученого Бленвиля, дружившего когда-то с философом, но впоследствии разошедшегося с ним. Он признает за покойным научные заслуги, но вместе с тем открыто и прямо заявляет, что главным его пороком, вредившим и его научной деятельности, был эгоизм. Как первосвященник Конт должен был, естественно, заботиться не столько о поминовении отдельных усопших, сколько о создании всеобщего культа коммеморации. С этою мыслью им был составлен еще в 1849 году *«Позитивистический календарь»,* посвященный прославлению выдающихся мыслителей и деятелей человечества. В этом календаре в строго иерархическом порядке он распределяет по месяцам, неделям и дням свыше пятисот

имен.

Все наши теперешние названия дней и месяцев упразднялись и заменялись именами тех передовых борцов человечества, воспоминаниям о которых они посвящались. Так, месяцы в их обычном порядке, с прибавкой 13-го, у позитивистов носят следующие имена: Моисей, Гомер, Аристотель, Архимед, Цезарь, Св. Павел, Карл Великий, Данте, Гуттенберг, Шекспир, Декарт, Фридрих и Биша. Затем каждая неделя посвящалась, в свою очередь, какому-либо выдающемуся представителю человечества, и его имя присваивалось воскресенью; наконец, каждый день в неделе имел своих великих мертвецов, а в иных случаях даже несколько. Таким образом, перед взором позитивиста выступает все человечество в лице лучших представителей, взятых из всевозможных сфер: тут и властители, тут и завоеватели, тут и религиозные первоучители, и философы, и астрономы, и естествоиспытатели, и изобретатели, и поэты, и мыслители и так далее; тут и евреи, и римляне, и греки, и французы, и немцы, и англичане и так далее.

Календарь должен служить ежедневным напоминанием того, что сделало человечество для живущих поколений, связывать прошедшее с настоящим и в конце концов возбуждать отвращение к анархии, которая не признает ничего заветного и святого в достоянии, завещанном предками, и все здание долголетней человеческой культуры стремится превратить в руину. Вводя в повседневный обиход имена великих людей, Конт надеялся тем сильнее закрепить в сердцах людей положительный культ человечества.

Два капитальных произведения Конта: «Курс положительной философии» и «Система положительной политики» – также относятся к его общественным деяниям. Но они заслуживают более обстоятельного изложения, которое читатель и найдет в последующих главах.

Глава V. Позитивная философия

Единство двух половин жизни Конта и двух его капитальных трудов. – Что такое положительная философия. – Относительный характер позитивной философии. – Метод. – Содержание «Курса положительной философии». – Классификация наук. – Основной закон трех состояний. – Науки. – Социология. – Социальная статика: индивид, семья, общество. – Социальная динамика: фетишизм, политеизм, монотеизм.

«Посвятивши по естественному влечению, с самого детства, все силы свои, – пишет Конт, – служению великому делу социального преобразования, бесповоротно провозглашенному моими предшественниками, я имел счастье своевременно убедиться, что такая благородная цель моей жизни потребует прежде всего большой научной подготовки. Покончив вполне с этим трудным основным условием, путем добровольных продолжительных и систематических усилий, я должен был направить вслед за тем мои первые личные труды на духовную реорганизацию современного общества, которая одна только может служить солидным основанием для дальнейшего действительного обновления политического строя. Но самим ходом этих первоначальных занятий я скоро был приведен к тому (вот уже двадцать лет), что всякое подобное общественное предприятие окажется неизбежно преждевременным, пока оно не будет опираться на полную систематизацию всех наших истинных представлений, – систематизацию, следуя которой общественный разум подвергся бы предварительно подобному же постепенному умственному посвящению, какое пережил я индивидуально и отчего я до тех пор думал, что можно будет освободить публику. В силу такого убеждения я должен был почти на пороге своей карьеры отложить свою великую политическую работу, чтобы посвятить первую половину моей общественной жизни основам истинной философии – необходимой опоры всех дальнейших трудов по части общественного обновления. Мой личный кризис в 1826 году, принявший столь ужасное течение, благодаря нравственным страданиям, терзавшим меня среди напряженных умственных занятий, завершился установлением внутреннего равновесия и привел меня к общему представлению о новой философии, долженствующей наконец придать XIX веку спекулятивный характер, в отличие от предшествовавшего века. Кроме чрезвычайных умственных трудностей, встретившихся при построении такой философии, заботы о собственном здоровье и

разные личные помехи, внешние и внутренние, сильно затянули выполнение этого великого предварительного предприятия, которое, как вам, быть может, известно, окончено всего лишь три года тому назад. Покончив с этим делом, я должен был, следуя естественному плану всей своей общественной жизни, возвратиться, пользуясь уже установленным широким и прочным базисом, к своей первоначальной работе над общественной реорганизацией, которая, как я только что заявил, должна составлять непременную цель второй половины моей деятельности… Таков, следовательно, должен быть общий ход моей философской эволюции, разделенной в силу необходимости на две великие эпохи: одна – по преимуществу умственная, где социальная точка зрения представляется лишь в качестве главного повода к отвлеченной систематизации, и другая – вполне социальная, где речь идет наконец о перестройке, сообразно с установленным раньше учением, нравственной жизни человечества. Если бы я упорно настаивал на систематизации чувств прежде, чем систематизировать идеи, то мое философское развитие, несогласное с естественной связью явлений, приняло бы неизбежно смутный и даже мистический характер, в конце концов, опасный, так как он способствовал бы поддержанию существующей анархии вместо того, чтобы покончить с нею. Но теперь, когда умственное основание заложено надлежащим образом, я должен обратить свои главные усилия прямо к нравственной части моего великого предприятия… В моем главном труде дух исследования и даже дух критики должен был преобладать, чтобы я мог подняться постепенно, следуя естественному порядку различных наших понятий, к истинной точке зрения человеческой мудрости. Теперь, когда я укрепился здесь твердо, дело будет заключаться в догматизации социального характера на основе уже допущенных принципов, – догматизации, которая должна иметь в виду систематизацию наших главных чувств. Одним словом, я могу теперь считать, что превосходство позитивизма в интеллектуальном отношении установлено с достаточной ясностью, по крайней мере для всех передовых умов, и что мне остается, следовательно, в своем втором великом труде установить также его нравственное превосходство, единственное, серьезно оспариваемое в настоящее время».

Так рассказывает сам Конт о двух половинах своей интеллектуальной жизни и двух своих главных трудах, между которыми большинство критиков и толкователей позитивного учения находит глубочайшее противоречие. В глазах самого Конта, как видим, не только не было никакого противоречия, но,

напротив, вся жизнь его и вся работа совершались, можно сказать, по заранее обдуманному плану и внутренне едины. Я мог бы привести массу цитат из самих сочинений, подтверждающих эту мысль; но письмо к человеку, которого Конт боготворил и с которым никогда не позволил бы себе быть неискренним, мне кажется, лучше всяких рассуждений, предназначаемых для посторонних людей, раскрывает суть дела. Конт действительно был глубоко убежден в единстве и цельности своей философско-социальной теории. Он обдумывает как единое то, что впоследствии критики расчленяют надвое и считают исполненным глубочайшего противоречия. Он заранее предрешает, какие шаги должен будет сделать, чтобы достигнуть поставленной себе цели, а критики находят, что он сделал шаг вперед, чтобы затем сделать два назад. Если бы идеи, изложенные в «Позитивной политике», возникли в голове Конта во второй период его жизни, то, может быть, упомянутые критики были бы и правы.

Но мы знаем, что дело обстояло вовсе не так, что идеи эти не только ясно представлялись Конту в первый период его жизни, но что под прямым влиянием именно их он создает и саму «Позитивную философию». Каким же образом он мог бы создать великое произведение, как это признается критиками, лелея вопиющее противоречие? Так представляется дело с точки зрения психологического анализа. Но если мы вникнем в сущность позитивной философии и в сущность социальной теории Конта без предубеждения, что одно прогрессивно, а другое ретроградно, то также не найдем возможным отрицать совместимость этих учений в одной философской голове. Пора снять обвинение в противоречии того, что кажется противоречивым только под влиянием разных политических симпатий и убеждений. Если позитивная философия Конта может мирно уживаться и с его социальными теориями, и с другими буржуазно-либеральными политическими теориями, то это говорит только о всеобъемлемости ее.

Я не имею ни намерения, ни возможности вдаваться здесь в критику учения Конта и в нижеследующих главах постараюсь лишь отметить самым беглым образом важнейшие мысли, развиваемые им главным образом в двух сочинениях: *«Курсе положительной философии»* и *«Системе положительной политики».*

Что такое положительная философия? Конт употребляет термин «философия» только за отсутствием другого, более подходящего к целой совокупности его учения. Согласно древним, он понимает под философией общую систему

человеческих познаний. Он надеется, что прибавляемое им прилагательное *«позитивная»* рассеет всякие недоумения, возникающие при слове «философия». Его учение имеет дело только с положительными, то есть наблюдаемыми фактами. Положительные же, наблюдаемые факты составляют предмет и различных отдельных наук. Поэтому его учение есть систематизация этих отдельных наук. Одной из них, социологии, он придает особенное значение в ряду других. Поэтому и вся его философия получает преимущественно социальный характер. Затем прилагательным «положительная» Конт отметил еще одну характерную особенность своего учения. Он находил, что время критической разрушительной работы прошло и что настала пора созидательной, положительной работы. Естественно поэтому, что так называемый критицизм играет в его философии весьма второстепенную роль. Итак, философия Конта – не просто совокупность отдельных наук (или, вернее, их общих утверждений), а совокупность, устанавливаемая на основе положительно-социальной в противоположность критическо-познавательной. Своим строго научным характером позитивная философия резко отличается от всяких теологических учений, а также и от метафизических систем, которые, по выражению Конта, являются своего рода «ублюдками», преходящей помесью теологического и позитивного мировоззрений. Задача позитивной философии – объединить отдельные науки и послужить, таким образом, основанием новой социальной религии. «Социальная доктрина, – говорит Конт, – есть цель позитивизма, а научная доктрина – средство».

Относительный характер положительной философии. Основываясь на науках, положительная философия отказывается от исследования конечных и начальных причин, отвергает всякий абсолют. Она ограничивается только областью явлений, единственно доступной нашему знанию; она изучает соотношения между явлениями во времени или пространстве и, подмечая известное постоянство, устанавливает законы.

Метод. Положительная философия признает только научный метод, то есть индукцию и дедукцию, большее или меньшее приложение которых зависит от характера изучаемых явлений. Конт полагал, что метод выясняется лучше всего из самого дела, из той работы, которую совершает человек, руководствуясь тем или другим методом. Метод, по его мнению, изучается только тогда, когда прилагается. Поэтому в «Курсе философии» нет того, что называется методологией.

Содержание «Курса положительной философии». Изучая природу, человек изучает также и способы воздействия на нее.

Отсюда – две совершенно различные области: науки теоретические и науки прикладные. Конт считает невозможным, по крайней мере в настоящее время, систематизировать и объединить те и другие в одном философском изложении. Для этого он считает необходимой предварительную научную разработку специальных понятий, которые должны затем послужить основанием для общих выводов прикладной науки. Но таких промежуточных доктрин между чистой теорией и непосредственной практикой еще не существует; можно указать лишь их зародыши. Поэтому в «Курсе положительной философии» рассматриваются только научные теории и вовсе опускается их приложение. Затем следует различать еще абстрактные и конкретные науки. Первые – общие – занимаются изучением законов, управляющих известными группами явлений, причем захватываются все явления данного рода, какие только можно себе представить. Вторые – частные, описательные – занимаются приложением этих законов к действительной истории и жизни различных существующих и существовавших предметов. Или, иными словами, абстрактные науки имеют дело с явлениями, а конкретные – с существами или предметами. Конкретные науки, не обладающие еще научными теориями, также не могут быть включены в «Курс положительной философии», который, следовательно, обнимает одни только абстрактные науки. В будущем же позитивная философия должна систематизировать весь цикл человеческих познаний: науки прикладные (искусство), науки конкретные и науки абстрактные.

Классификация наук. Классификация наук – один из основных пунктов «Курса положительной философии». Всякая классификация, по мнению Конта, страдает недостатками, будучи если не произвольной, то, во всяком случае, искусственной. Невозможно расположить науки в таком порядке, чтобы они строго соответствовали своему естественному развитию и своей взаимной зависимости. Изложение всякой науки можно вести двояким образом: историческим или догматическим. Излагая исторически, мы нередко будем грешить против взаимозависимости отдельных наук. Излагая догматически, нередко будем грешить против их естественного развития. Насколько затруднительно выработать совершенную классификацию, указывает, между прочим, то обстоятельство, что выбирать приходится между семисот двадцатью различными возможными комбинациями, так как число основных наук нельзя считать меньше шести. По мнению Конта, изложение наук должно носить догматический характер; того требует современное состояние наших знаний и задачи умственного

образования. Данные из истории наук могут служить только вспомогательным элементом. Итак, науки, составляющие позитивную философию, должны быть распределены соответственно их взаимозависимости; эта же последняя определяется взаимной зависимостью соответствующих явлений, то есть взаимной зависимостью явлений, изучаемых отдельными науками. Обращаясь к самим явлениям, мы находим, что их можно распределить на небольшое число групп таким образом, что разумное изучение одной группы явлений будет покоиться на знании основных законов предыдущей группы и, в свою очередь, служить основанием для изучения явлений, отнесенных к последующей группе. В первую группу, естественно, должны попасть явления, отличающиеся наибольшей простотою и общностью, и все дальнейшие группы будут определяться возрастающей сложностью и убывающей общностью явлений. Таким образом, науки должны классифицироваться по их возрастающей сложности и уменьшающейся общности; мы должны начинать с наиболее общих и наиболее простых явлений и последовательно переходить к наиболее сложным и потому наиболее трудным. Все окружающие нас явления распадаются на две большие группы: явления неорганических тел и явления органических тел. Первые, в силу только что установленного принципа, должны изучаться раньше вторых. Первые дают начало неорганической физике, вторые – органической физике. Неорганическая физика распадается на физику небесную, астрономию, и физику земную, состоящую из двух наук – физики собственно и химии. Физика органическая занимается, с одной стороны, явлениями, относящимися к особи, с другой – явлениями, относящимися к виду или обществу; а отсюда две науки: физиология и социальная физика. Таким образом, положительная философия распадается на пять основных наук: астрономию, физику, химию, биологию и социологию. Первые изучают самые общие и самые простые явления, имеющие самую отдаленную связь с человечеством. Последняя же, социология, наоборот, имеет дело с явлениями наиболее сложными, наиболее специальными и конкретными, наиболее тесно связанными с человеческими интересами. В начале этого научного ряда Конт ставит еще математику, как науку, занимающуюся самыми общими и наименее сложными явлениями. Конт находит, что предложенная им классификация наук, во-первых, совпадает с естественным распределением знаний, принимаемых учеными в различных отраслях изучения природы; во-вторых, соответствует действительному историческому ходу развития наук; в-третьих, указывает относительную степень совершенства различных наук;

в-четвертых – чему Конт придает особенно большое практическое значение – она определяет общий план рационального образования. Всякую данную науку можно плодотворно изучать, лишь изучив предварительно те основные науки, которые предшествуют ей в ряду классификации; так, тот, кто хочет посвятить себя позитивному изучению явлений общественной жизни, должен изучить предварительно астрономию, физику, химию и биологию. На этой же мысли должно быть построено и будущее воспитание человечества. «Если лучшей классификацией, – говорит Милль, – должна считаться та, которая основана на свойствах, наиболее важных для наших целей, то классификация Конта вполне соответствует этому требованию. Располагая науки в порядке сложности их предметов, она представляет их в порядке трудности. Каждая наука предлагает себе более трудную задачу, чем та, какую имеют науки, предшествующие ей, и, следовательно, совершенство останется для нее всегда менее доступным и если будет достигнуто, то, вероятно, позже. Вдобавок к этому каждая наука для установки своих истин нуждается в истинах всех предыдущих наук». С течением времени, однако, эта классификация подверглась довольно существенным изменениям. Была прибавлена седьмая наука – позитивная этика; затем многие последователи Конта признавали необходимым ввести в нее психологию и политическую экономию.

Основной закон трех состояний. Закону трех состояний Конт придает чрезвычайно важное значение. В ограниченном смысле он относится собственно к социологии, при изложении которой Конт и развивает его с достодолжной аргументацией и обстоятельностью. Но, вместе с тем, он есть основание и оправдание самой позитивной философии. Философия, как и человечество вообще, проходит в своем развитии три последовательных ступени. Без победы социальных инстинктов над эгоистическими невозможно было бы общество. Поэтому уже на самых первых ступенях развития человечества всякая теория, содействующая такому торжеству, должна была приветствоваться как благо. Руководители человеческого общества не могли, если бы даже им и пришло в голову это, ожидать, пока опыт раскроет им действительную природу мира; они или вообще все люди хватались за первое учение, которое ослабляло себялюбивые индивидуалистические стремления и приводило к большему единению. Все такие учения неизбежно носили антропоморфический характер. О неизменных законах тогда не имели еще понятия и на место их ставили волю многих или одного существа. Полное торжество этого мировоззрения

заключало в себе зародыши разложения, так как поле деятельности сверхъестественного существа было постепенно ограничиваемо и наконец отодвинуто всецело в область прошедшего. Человечество вступило в *метафизический* фазис развития. Сверхъестественные антропоморфические деятели заменены были отвлеченными силами, сущностями, способными производить все наблюдаемые явления. Однако при ближайшем рассмотрении эти сущности оказываются просто названиями известного рода явлений и, помимо этих явлений, не заключают в себе никакого положительного содержания. Из своих абстракций метафизика не могла создать учения, какое необходимо людям для того, чтобы устроить и упорядочить свою жизнь. Но она явилась могущественным орудием в деле критики и разрушения. Она согнала, можно сказать, прежних сверхъестественных деятелей с их седалищ; но сама оказалась бессильна, по своей внутренней пустоте, занять их место. С развитием метафизических идей связаны многочисленные революции как в области мысли, так и в области человеческой жизни. Таким образом расчищалась почва и подготавливалось наступление третьего момента в развитии человечества и третья фаза его философствования – *позитивизм.* В позитивном состоянии ум человеческий отказывается от выработки абсолютных понятий, от исследования начала и конца мира, от познания основных причин и так далее и стремится открыть лишь действительные законы явления. Третья позитивная ступень развития человечества есть, таким образом, торжество науки, зародыши которой мы находим уже на первой теологической ступени и настойчивые стремления к которой порождают, собственно, промежуточный период, названный Контом метафизикой. Достигнув позитивного состояния и выработав положительное учение, человечество получает, наконец, возможность выйти из состояния анархии и создать новый общественный строй, в котором эгоизм будет всецело подчинен альтруизму.

Обращаясь к наукам, составляющим содержание «Курса положительной философии», мы должны заметить, что они также подпадают в своем развитии под закон трех состояний. Все они зарождаются в теологическом состоянии, переживают метафизическую фазу и затем вступают в позитивное, окончательное состояние. Но, понятно, не все они одновременно проходят через эти моменты. В то время как, например, астрономия стала уже вполне положительной наукой, биология не может освободиться от некоторых метафизических представлений, а социология страдает даже от теологических тенденций.

Положительная философия как систематизация наук была немыслима, пока социология находилась всецело во власти теологических и метафизических идей. Поэтому-то Конт, прежде чем задумать ее, работал над социальными вопросами и, только открыв закон трех состояний, нашел возможным приступить к философской систематизации знаний; поэтому же он и в своем «Курсе…» отводит социологии целых три тома как науке, которую нужно было не только изложить в ее самых существенных чертах, но и разработать. Таким образом, «Курс положительной философии» является, в глазах Конта, последним словом в постепенном переходе человечества от состояния теологического через метафизическое к позитивному.

Науки. Мы не будем останавливаться здесь на лекциях, посвященных *математике, астрономии, физике* (с ее подразделениями на барологию, термологию, акустику, оптику и электрологию), *химии* и *биологии,* и ограничимся лишь общим замечанием Милля по поводу их. «Касательно первых пяти основных наук своего ряда Конт достиг, – говорит английский мыслитель, – предположенной цели с успехом, которому едва ли можно достаточно надивиться. Даже менее изумительную часть его общего обозрения – том о химии и биологии, который уже тогда стоял ниже действительного состояния этих наук и находился далеко позади нынешнего положения их, – даже этот том нам никогда не случалось открывать без того, чтобы не почувствовать каждый раз всей обширности умозрений, заключенных в нем, и не убедиться, что путь поставить эти науки на совершенно рациональную основу, далеко еще не вполне усвоенный большинством занимающихся разработкой их, нигде так успешно не был указан». Заметим еще, что Конт отрицает психологию как науку. Он не находит нужным выделять психические явления из общей сферы биологических явлений и применять к изучению их какие-либо особенные методы. Вместо того он признавал френологию Галля. Считая эту науку недостаточно разработанной, он, во всяком случае, принимал разделение мозга на три области: склонностей, чувств и ума. Впрочем, в «Курсе положительной философии» Конт касается лишь слегка всех этих вопросов и развивает обстоятельнее свои взгляды в «Системе позитивной политики». На шестом члене Контова ряда – социологии – мы должны остановиться несколько дольше.

Социология. Наука об обществе находится еще в хаотическом состоянии. Она пока еще не освободилась от теолого-метафизических воззрений и потому во многом напоминает собою то, чем была астрология перед астрономией, алхимия –

перед химией и т. д. Излагаемые учения отличаются безусловным характером, а практикуемый обыкновенно метод отдает предпочтение воображению над наблюдением. Позитивная социология отказывается от всяких абсолютных представлений. В смене и сосуществовании общественных явлений она стремится уловить известные постоянные соотношения и представить их как подчиненные известным законам. Что же касается метода, то она обращается, как и другие науки, к наблюдению, опыту, сравнению. При этом наблюдение общественных явлений (как, впрочем, и всяких иных) не может совершаться успешно, если наблюдатель не руководствуется никакой предварительной теорией и не знает, на что ему, собственно, следует обращать внимание. В социологии индуктивный метод следует предпочитать дедуктивному, так как всякие выводы из общих свойств человеческой природы, ввиду чрезвычайной сложности изучаемых явлений, легко могут оказаться крайне ошибочными. Для индукции же представляется широкое поле, благодаря массе накопленного историей материала. Затем в социологии следует идти не от частного к целому, а наоборот, от целого к частному, от всей совокупности социальной жизни – к отдельным ее сторонам. Социология распадается на два больших раздела: статику и динамику. Первая занимается изучением условий существования обществ; вторая – условий их непрерывного движения, или, иначе сказать, первая имеет дело с порядком, а вторая – с прогрессом обществ.

Социальная статика. Общие условия социальной жизни должны быть рассмотрены, во-первых, по отношению к личности, во-вторых – по отношению к семье и в-третьих – по отношению к обществу, которое в своем дальнейшем развитии должно объять все человечество. Обращаясь к *личности,* Конт находит, что у человека эмоциональные способности преобладают над умственными, хотя и в меньшей степени, чем у других животных. Затем, человеку свойственно естественное стремление к общественности, к совместной жизни, независимо от личных расчетов и нередко даже наперекор личным интересам. Инстинкты низшие, эгоистические преобладают в человеке над более благородными. Хотя общество держится на социальных инстинктах, но личные также необходимы для социального развития, которое совершается, можно сказать, в сфере антагонизма между теми и другими. Подобного же рода антагонизм наблюдается и между отношением личности к труду как к чему-то неприятному, желанием избегнуть его и необходимостью труда для удовлетворения потребностей. Тот или другой склад общества зависит, главным образом, от того, в

какой степени лучшие побуждения в обоих указанных случаях преобладают над худшими. *Семья* составляет основной элемент всякого общества и является первоначальным основным типом его устройства. По мере развития общества семья претерпевает различные изменения; но две характерные особенности ее должны оставаться неизменными, иначе семье, а вместе с нею и обществу, угрожает опасность разрушения. Особенности эти: первая – подчиненность пола, вторая – подчиненность возраста. Жена должна быть подчинена мужу, а дети – родителям. Брак – нерасторжим. Равенство полов – пустое революционное разглагольствование, которое начинает терять кредит под влиянием биологической философии. Мужчина является представителем ума, женщина – привязанности. Такое неизменное устройство человеческой семьи не может быть нарушено, пока не произойдет каких-либо коренных изменений в нашей физической организации. Затем, только в семье человек получает надлежащую подготовку к общественной жизни, научаясь повиновению; поэтому подчинение детей родителям представляет в высшей степени важное обстоятельство в организации всякой семьи. Нигде повиновение не может быть так полно и добровольно, покровительство так трогательно и преданно, как в семье. Семейная жизнь является школой общественной жизни, идеалом повиновения и власти. Кроме того, она создает и поддерживает традиции, связывает настоящее с прошедшим и будущим, и всегда будет чрезвычайно важно, чтобы человек не считал себя рожденным лишь накануне. *Общество.* Разделение труда составляет главное основание общественного единения; оно же производит и все возрастающее усложнение общественного организма. Разделение труда благодетельно не только в материальном отношении, но также и в нравственном, поскольку способствует развитию общественного инстинкта. Постепенно усложняясь, разделение труда охватывает все человечество и превращает его в один организм. В идеале общество распределяет занятия между своими членами так, чтобы поставить каждого в положение, наиболее соответствующее его способностям, воспитанию и всему прошедшему. Но разделение труда имеет и свою отрицательную сторону. «Возрастающая специализация занятия, то есть разделение рода человеческого на бесчисленное множество незначительных групп, из коих каждая имеет дело с самой маленькой долей всей работы общества, имеет свои неудобства как в умственном, так и в нравственном отношении, – неудобства, которые, если не будут исправлены, могут повести к серьезному сокращению выгод развивающейся цивилизации. Интересы целого – направление

всего к целям общественного союза – все менее и менее становятся доступными умам людей, которые имеют ограниченную, тесную сферу деятельности. Незначительная частность, составляющая все их занятие, бесконечно малое колесо, которое они помогают вертеть в машине общества, – не в состоянии возбудить или удовлетворить какое-либо чувство общественности или сознание своего единства с себе подобными… Ум человека становится ограниченнее, его осознание великих целей человечества тускнеет все более и более при сосредоточении всех мыслей, положим, на классификации нескольких насекомых или на решении нескольких уравнений точно так же, как и при сосредоточении их на точении булавок или насаживании на них головок» (Милль, 86). Возникают корпорации, которые объединяют людей, посвящающих себя одним и тем же занятиям, но вместе с тем отдаляют их от прочего человечества и лишают их возможности понимать надлежащим образом общечеловеческие интересы. Общество неизбежно разложилось бы, если бы из недр его не возник класс, который руководит и направляет разъединенные действия людей к общей цели, поддерживая сознание всеобщей солидарности. Класс этот – правительство в широком смысле слова. В первоначальные времена в лице правителей соединялись власть материальная и власть духовная. Но католицизм резко и бесповоротно разделил их. Организованная духовная власть, пользующаяся полным авторитетом в умственной и нравственной сфере, представляет теперь такую же необходимую особенность всякого нормального состояния общества, как правительство, как само разделение труда. Характер же этой духовной власти зависит от умственного и нравственного развития общества. В средние века он был один, в настоящее время – другой.

Социальная динамика. Прогресс общества состоит в развитии человеческих свойств – нравственных, умственных и эстетических – преимущественно перед животными. Человечество все ближе и ближе подвигается к своей цели, хотя и не в состоянии вполне достигнуть ее. Умственный прогресс играет первенствующую роль в этом движении. Нельзя сказать, чтобы умственная сторона была самая сильная в человеческой природе; но она всегда является в роли руководительницы и действует не одними своими силами, а совокупностью всех способностей и чувств, какие только она успевает увлечь за собою. Чувства и наклонности тогда только проявляются с полной силой, когда во главе их становится разум. Только общие верования, убеждения приводят к согласному действию массы людей, движимых разнообразными страстями, и превращают их в коллективную силу. Поэтому умственное

развитие человечества можно принять за показатель развития вообще, и ступени, проходимые человечеством в его умственном развитии, будут последовательными ступенями его развития вообще. Таким образом, определяются три последовательных периода: теологический, метафизический и положительный, с соответствующими им экономическими фазами, представляющими переход от военного состояния к промышленному. Первоначальную ступень развития составляет *фетишизм.* Человек считает все окружающие тела одушевленными жизнью, сходной со своею. В этом состоянии зарождаются уже искусства, промышленность, торговля. Наблюдение со временем приводит к обобщениям, и вместо индивидуальных фетишей являются боги, обобщающие собою уже целые ряды явлений. Наступает эпоха *политеизма.* В научном отношении политеизм впервые пробуждает работу спекулятивной мысли и содействует развитию духа наблюдения и наведения. В эстетическом отношении он дает могущественный толчок развитию искусств. В военном – возбуждает дух завоеваний и облегчает дело постепенного слияния племен, благодаря тому, что побежденные могли соединиться с победителями, не отказываясь от своих верований и обрядов. При политеизме возникает учреждение рабства, заменившее поедание пленников или принесение их в жертву и представляющее в этом отношении громадный шаг вперед; рабство же является школой, в которой масса людей приучается впервые к тяжелому, усиленному труду; таким образом кладется прочное основание дальнейшему развитию промышленности. Политеизм не знает разделения светской и духовной власти: авторитет мысли, в то время чисто религиозный, и исполнительная власть, по существу военная, всегда соединялись в одном лице. В нравственном отношении общества, державшиеся на рабстве, стояли на низкой ступени развития; смешение светской и духовной властей вело к подчинению нравственности политике, то есть к нарушению нормального положения, когда нравственная точка зрения, как общая и неизменная, должна господствовать над политической, как специальной и преходящей. Только с переходом человечества к *монотеизму,* и в частности к *католицизму,* это отношение радикально изменяется. Духовная власть резко и совершенно отделяется от светской и приобретает полную независимость; вместе с тем, нравственность освобождается от подчинения политике и получает принадлежащее ей по праву направляющее, руководящее значение. В политическом отношении происходит глубочайший переворот. Последний смертный, в силу общепринятого кодекса нравственности, получает право

напоминать всесильному властелину о непреклонных требованиях исповедуемого ими учения. Среди порядка вещей, основанного единственно на рождении, богатстве, военных заслугах, образуется многочисленное и могучее сословие, которое открыто признает, что право на руководство, преобладание дает только умственное и нравственное превосходство. Небывалое расширение избирательного принципа, безбрачие духовенства, непогрешимость папы, его светская власть, исповедь, монастырь, распространение народного образования и еще многое другое – все эти особенности в организации католической церкви имели громадное социальное значение. Древний мир, претерпевший такое глубокое преобразование в духовном отношении, начинает, естественно, преобразовываться и во всех других. Военная деятельность изменяет постепенно свой наступательный характер в оборонительный. Рабство заменяется крепостным состоянием. Возникает рыцарство, имевшее свою социальную миссию. В нравственном отношении католицизм выдвигает на первый план личные добродетели, придавая им общественное значение. По отношению к семейной нравственности он утверждает родительскую власть, уничтожая вместе с тем почти безграничный деспотизм, господствовавший до того времени в отношениях родителей к своим детям; он упрочивает и улучшает положение женщины, обеспечивая за нею справедливую долю свободы и учреждая неразрывный брак. По отношению к общественной нравственности он ставит на место узкого патриотизма, руководившего поступками людей древнего периода, высокое чувство всемирного братства. В чисто научном и эстетическом отношении влияние католицизма выразилось слабее; но в его недрах уже зародилось то могущественное движение, которое развилось в последующий переходный период. В промышленном отношении громадным шагом вперед было уничтожение рабства и начавшееся движение в сторону полного освобождения закрепощенного народа; наконец, в эту же эпоху возникает стремление к замене человеческого труда механической силой. Этот блестящий католико-феодальный строй начинает разлагаться в XIV веке по внутренним причинам, раньше каких бы то ни было нападок на него со стороны отрицательных учений. В развитии человечества наступает переходный *метафизический* период. Разрушение старого порядка совершается сначала бессознательным путем, и только с возникновением протестантизма начинается сознательная разрушительная работа. Таким образом, великая подготовительная (метафизическая) эпоха разделяется на три последовательных фазы. До конца XV века духовное и светское

разложение совершается, главным образом, самопроизвольно; с этого момента оно становится систематическим и до половины XVII века совершается под знаменем протестантской критики, а с половины XVII века до начала французской революции – под знаменем деистической критики. Наряду с разрушением старого порядка совершается выработка положительных элементов будущего строя. В экономическом отношении отмечаются следующие моменты: окончательное освобождение крепостных, развитие промышленных городских общин, уничтожение кастовых различий, возрастающее значение богатства, приобретаемого трудом, расширение торговых сношений, открытие Америки, изобретение компаса, огнестрельного оружия, книгопечатания и, в конце концов, паровой машины – таковы наряду со многими другими важнейшие приобретения переходного периода. В эстетическом, научном и философском отношениях – выработка новых литературных языков, развитие математики и наук неорганического мира, схоластическая и метафизическая философия и т. д. Все это движение, как в сфере эстетики, так и в сферах научной и философской, получает все более и более общественный характер по мере приближения к критическому моменту, к Великой французской революции. Процесс политического разложения совершается, однако, быстрее процесса социального преобразования. В то время как сознается уже с полной ясностью необходимость окончательного преобразования, характер последнего остается невыясненным надлежащим образом, а положительные элементы невыработанными. Вследствие этого революционный кризис принимает неправильное направление. Но он был необходим. Иначе бессильная дряхлость старой системы оставалась бы неизвестной и пятивековая работа передового человечества лежала бы скованной под спудом закоченевших традиций. В самой революции Конт различает два момента: первый (Учредительное собрание), когда метафизики-конституционалисты мечтали о неразрывном соединении абсолютистского принципа – с началами народовластия и католической системы – с интеллектуальным раскрепощением; второй (Национальный конвент), когда люди, лучше понимавшие дух революции, восстали против подобных политических мечтаний и сделали попытку решительно вступить на новый путь общественного преобразования. Затем последовала реакция. Люди, становившиеся во главе правления, оказывались не на высоте своего положения; они решительно не хотели понять того переворота, который уже совершился в умах людей. Поэтому интеллектуальная и нравственная сила попадает в руки каждого,

кто хотел и мог овладеть ею. Возникает новая могущественная сила – печать, и как бы несовершенна она ни была, она красноречиво свидетельствует, какое громадное значение в современных обществах приобретает *духовная* власть человека над человеком.

Анализом революционной эпохи Конт заканчивает, собственно, изложение социологии как науки. Когда он проектирует план будущего, то он выступает уже в роли социального реформатора, так как социология до сих пор не дает еще возможности делать предсказания, оставаясь на строго научной почве.

Глава VI. Конт как социальный реформатор

Отрицательное значение принципов Великой французской революции. – Анархия. – Что такое религия по Конту. – Культ. – Социократия. – Личность. – Семья. – Правительство. – Жречество.

За выдвинутыми французской революцией всеобщими принципами Конт не признает положительного значения. Абсолютное право свободного исследования как прямое последствие неограниченной свободы совести неизбежно влечет за собою безусловную свободу печати, воспитания и вообще всякого рода общения между людьми. Но как бы ни был плодотворен в свое время этот принцип, его ни в коем случае нельзя считать органическим, творческим началом; в конце концов, когда общество от разрушения переходит к созиданию, к упрочению нового порядка вещей, он является даже помехой. Общественный порядок не может установиться там, где всякий человек пользуется безусловным правом беспрестанно оспаривать основные принципы общественной жизни. Точно так же Конт относится и к принципу равенства: по отношению к старому порядку это – прогрессивный принцип, так как он содействовал разложению уже отжившего строя; по отношению же к новому он неизбежно превращался в орудие анархии, мешая действительной способности получить надлежащее значение в общем ходе дел. Наконец, относительно принципа верховенства народа Конт находит, что и он препятствует установлению правильного порядка вещей, подчиняя людей избранных, лучших произволу толпы. Господство упомянутых принципов оказалось чрезвычайно печальным для общества. Умственная анархия достигла крайних пределов. Теперь трудно найти нескольких человек, действительно согласных в своих политических, этических, вообще общественных взглядах. Беспрестанные же споры, не имея под собою реальных, всеми признаваемых оснований, спутывают и роняют обычные идеи нравственности, подвергая их сомнению. «Систематическое развращение как организованное, необходимое средство управления» является неизбежным следствием такого положения вещей. Известное соглашение необходимо для поддержания общественного порядка, и так как его нельзя достигнуть путем убеждения, то обращаются к подкупу в узком и широком смысле слова. И среди этой всеобщей расшатанности убеждений легко уже получают преобладающее значение вопросы

материального и временного характера. Единственный выход из такого положения Конт видит в предлагаемом им социальном учении, получившем у него религиозную форму.

Религия, по мнению Конта, означает единство всех сторон жизни человека, физической, нравственной и умственной, жизни личной и общественной. Религия охватывает все наше существование и устанавливает во всех наших отправлениях полную гармонию. Она предполагает, во-первых, наличие известного мировоззрения; во-вторых – подчинение всех мыслей и действий этому воззрению, в силу чего устанавливается гармония человека с миром, с другими людьми и, наконец, с самим собою; в-третьих – чувство, которое делает возможным такое единство и направляет человека к одной цели. Слово «религия», говорит Конт, означало бы то же, что и синтез, если бы это последнее не приурочивалось обыкновенно к одной только умственной деятельности. Но такое единство, или гармония, не может получиться от свободной игры личных или эгоистических мотивов. Поэтому религия предполагает подчинение со стороны человека чему-либо находящемуся вне его, что охватывает его жизнь со всех сторон и по отношению к чему он становится в неприязненное отношение, как только начинает руководствоваться своим эгоизмом. «Конт верит, – говорит Милль, – в то, что разумеют под бесконечной природой долга, но обязанности, вытекающие отсюда, так же как и все чувства преданности, он относит к конкретному предмету, в одно и то же время идеальному и действительному. Этот предмет – род человеческий, понимаемый как непрерывное целое, включающее в себя прошедшее, настоящее и будущее… Люди искренние, какого бы верования они ни придерживались, легко могут допустить, что человек, имеющий какой-либо идеальный предмет, к которому он питает привязанность и чувство долга, достаточно силен, чтобы контролировать и направлять все прочие его чувства и наклонности и предписать ему известное правило жизни, – что такой человек имеет религию. Далее, хотя человек, естественно, предпочитает свою собственную религию всякой другой, однако каждый должен согласиться, что если предмет указанной нами привязанности и чувства долга есть совокупность людей, то такая религия не может быть названа порочной по своему существу… Многие замечали власть, которую в обоих отношениях, и как источник чувства, и как двигатель поступков, может приобрести над умами мысль об общем интересе всего человечества. Но мы не знаем, чтобы кто-либо прежде Конта описал так полно все величие, какого способна достигнуть эта идея. Она восходит до невидимых пределов прошлого, обнимает собою многостороннее

настоящее и проникает в неопределенное и непредвиденное будущее. Представляя нашему уму коллективное существо, начало и конец которого нельзя обозначить, эта идея напоминает о чувстве бесконечного, которое глубоко коренится в природе человека и является необходимым элементом всех наших высших понятий». Человечество представляется Конту тем благодетелем, от которого всецело зависит жизнь отдельного человека. Жизнь человека есть то, что она есть в силу прогрессивного движения человечества, и чем позже человек появляется на свет Божий, тем большим он обязан всему человеческому роду. В состав человечества входят не только люди, оказавшиеся достойными своего назначения, но и животные, работающие наряду с людьми на общую пользу, привязывающиеся к ним и готовые жертвовать за них своею жизнью, как это бывает, например, с собаками. Каждый человек должен служить человечеству, или, иначе, жить для других, стараясь вовсе забыть о себе. «Amem te plus quam me, nec me nisi propter te» («Люблю тебя больше, чем себя, и себя люблю только ради тебя») – таков девиз религии альтруизма (слово, введенное в употребление Контом). Под конец своей жизни, увлекаемый все более и более аллегориями, Конт создал еще два объекта поклонения: «Grand Fetiche» (землю) и «Grand Milieu» (пространство) как необходимые условия развития человечества; но он не упускал из виду, что это во всяком случае фикции, поэтические вымыслы, могущие восполнять недостаточность наших научных познаний и возбуждать симпатические движения сердца. В своем учении Конт различает догму, культ и régime, как он называет, то есть само устройство жизни. К догматике относится установление тех социальных законов, статических и динамических, о которых речь была в предыдущей главе, причем Конт в дополнение к своему ряду наук прибавляет еще мораль, обосновывая ее на усовершенствованной теории Галля. Сюда же относится рассуждение о методе объективном и субъективном, учение о преобладании сердца над умом и наконец установление четырех провидений, руководящих человечеством: морального, умственного, материального и правящего. Что касается культа, то Конт, лишенный, по совершенно верному замечанию Милля, чувства юмора, доходит в этом отношении до чрезвычайно смешных измышлений. Смешны, конечно, не сами стремления Конта дать символическое выражение чувствам, наполнявшим его душу, а эта мания все регламентировать, все предустанавливать и таким образом живое, непосредственное чувство заковывать в мертвенный, неподвижный ритуал. Культ разделяется на личный, семейный и общественный. Сущность личного культа составляет поклонение

женщине как истинной представительнице человечества и благодетельному ангелу-хранителю; он выражается в молитвословиях. Молитва не заключает в себе просьбы. Она состоит из двух частей: воспоминания и излияния. В молитву допускается вставлять отрывки из лучших поэтов. Предметом молитвенного прославления, как сказано, является женщина, именно: мать, супруга и дочь, олицетворяющие прошедшее, настоящее и будущее и вызывающие три основных социальных чувства: почтение, привязанность и доброту. Молитва произносится трижды в течение суток: утром – самая продолжительная, она должна длиться час; среди дня – самая короткая, и вечером, на сон грядущий, должна длиться около получаса, пока сон не сомкнет глаз. Культ семейный состоит главным образом из девяти таинств, которыми позитивизм освящает важнейшие моменты в жизни человека: 1) представление – новорожденный предъявляется жрецу и при восприемниках принимается в число служителей человечества; 2) посвящение – дитя 14-ти лет заканчивает воспитание в семье и поступает для дальнейшего образования под руководство жреца; 3) допущение – юноша 21-го года получает от жреца разрешение служить человечеству, от которого он до этого момента все получал, ничего не возвращая; 4) выбор призвания – молодой человек 28-ми лет определяет окончательно дело, которым он будет заниматься, и его решение санкционируется жрецом; только в особых, исключительных случаях дозволялось переменить занятие; 5) брак – он признается нерасторжимым и связан с обетом вечного вдовства; мужчина может вступать в брак до 35-летнего возраста; женщина – до 28 лет; 6) зрелость – она наступает в 42 года; жрец наставляет достигшего зрелости мужа, что проступки его против человечества с этого момента не будут прощены ему при окончательной оценке его жизни; 7) удаление – в 63 года мужчина удаляется от практических дел и сохраняет за собою только право совещательного голоса; 8) превращение, то есть смерть, – по учению Конта, переход из состояния объективного в состояние субъективное, и 9) причисление усопшего к слугам человечества или вообще оценка его жизни, что делается через семь лет после смерти. Общественный культ состоит из ряда праздников, посвящаемых помесячно прославлению, во-первых, самого человечества и главнейших связей, поддерживающих общество (брака, отношений отцовских, сыновних, братских и, наконец, прислуги), во-вторых – главных моментов подготовительного развития человечества (провидения морального в образе женщины, интеллектуального в образе жречества, материального в образе патрициата и общего в образе

пролетариата).

Общество, устроенное на началах, проповедуемых Контом, получает название *социократии.* Этого совершенного состояния человечество достигает медленным и трудным путем подчинения эгоистических инстинктов социальным чувствам. Уже в борьбе с природой человек научается подчинению: он может узнать законы природы, только покорившись сначала природе, а узнавши их, он уже подчиняет себе и саму природу. Таким образом, человек привыкает подчинять свою волю условиям правильного труда и работать совместно с другими людьми. Можно представить себе и иной путь развития. Если бы все люди, подобно богам, были поставлены в условия, при которых всякое естественное желание удовлетворяется без усилий и борьбы, то социальные склонности скоро бы взяли верх над эгоистическими стремлениями, так как если бы последние и были вначале чрезвычайно сильными, то они все-таки постепенно замерли бы за отсутствием всяких поводов к проявлению. Всего было бы в изобилии и хватало бы для всех. Поэтому интеллектуальная деятельность, не обостряемая борьбой за существование, приняла бы эстетическую окраску и направилась бы на изобретение форм для выражения социальных симпатий, а последние, наполняя всю жизнь человеческую, развились бы могущественным образом. Переход к позитивизму совершился бы без всяких переходных ступеней; любовь, ограничивающаяся сначала семьей, распространилась бы сразу на все человечество, пропуская промежуточный момент – племя, нацию; сердце господствовало бы над разумом, духовная власть – над светской и женщина – над мужчиной. Но в действительности человечество развивалось далеко не таким мирным путем. Оно боролось, враждовало, страдало. И за этот свой мучительный путь оно найдет вознаграждение в том, что окончательное примирение человечества с самим собою и с миром будет гораздо совершеннее и полнее. Общежитие, устроенное на основе вполне развитой, но покоренной *личности,* много выше того воображаемого рая, в котором всякая борьба за существование была бы излишней. Это не значит, однако, что человечество всем обязано борьбе эгоистических инстинктов. Из эгоизма не могли бы развиться социальные стремления. Последние проявляются уже с самого начала, но в чрезвычайно слабой степени, и они пользуются лишь внешними необходимостями человеческой жизни как рычагом, сильно облегчающим их собственное поступательное движение. В конце концов слабейшее становится сильнейшим, последнее – первым.

Трем абстрактным элементам человеческой жизни:

материальной, интеллектуальной и нравственной силе – соответствуют три душевных свойства: воля, ум и сердце, и затем три формы общежития: государство, церковь, семья. Это не значит, чтобы всякая из указанных частей общества воплощала в себе один только из упомянутых элементов и исключала два других. Части общества, как и само общество, представляют нечто целое, и потому, наряду с известным преобладающим в каждой из них элементом, существуют и другие. Так, в семье, например, находят выражение все три стороны, но нравственная преобладает. Таким образом, можно сказать, что семью связывают в одно целое любовь, привязанность; государство – материальная цель, деятельность; человечество – умственная жизнь. И затем, как характер и дух семьи зависят от женщины, так характер и склад государства определяются практически деятельными классами, военными или промышленными, а характер и склад церкви – духовенством. Эти три великие социальные силы должны быть организованы надлежащим образом и поставлены в надлежащие отношения друг к другу. При этом следует руководствоваться двумя принципами. Во-первых, не может быть никакого общества без правительства. «Истинная социальная сила есть результат более или менее обширной кооперации, находящей себе выражение в каком-либо отдельном органе». Только одна физическая сила, и то в ограниченном смысле, имеет индивидуальный характер; всякого же рода умственная или нравственная сила, по существу социальная, зависит от кооперации многих. Но сотрудничество многих тогда только становится действительно плодотворным, когда оно имеет центр, к которому тяготеет и который направляет его к определенной цели. Иногда первоначально появляется личность, ставящая себе определенную цель и собирающая под свое знамя силы, необходимые для достижения этой цели. Однако чаще великие социальные движения бывают результатом непроизвольного стечения многочисленных частных стремлений, действующих вразброд, пока не явится человек, направляющий их к одному общему центру и связывающий их в одно целое. Но во всех случаях действительная социальная сила получается только тогда, когда корпорация найдет свое средоточие и индивидуализируется. Во-вторых, Конт считает всеобщим законом, что высшее должно подчиняться низшему. Органическая жизнь подчинена и ограничена условиями неорганического мира; человек может исполнять свое назначение, только подчиняясь физическим, химическим, физиологическим и так далее условиям своего существования. Таким образом, высший может господствовать над низшим, только повинуясь последнему. То же

самое применимо и к социальной жизни человека. На первом месте у людей стоит необходимость удовлетворения своих материальных потребностей; достигается это при помощи военной, а затем промышленной деятельности, представителям которой и должно принадлежать непосредственное управление общественными делами, не потому, что этого рода деятельность является самой возвышенной, а потому, что она – необходимое условие всякой другой. Моральные и интеллектуальные влияния приходят позже, занимают второе место; они могут лишь смягчить грубую энергию практической жизни. Только действуя этим косвенным путем, они получают действительное значение. Вся сила их в самоотречении, в добровольном отказе от непосредственной власти. Присваивая последнюю, они теряют чистоту и перестают руководить людьми. Отсюда следует необходимость безусловного разделения двух властей: светской и духовной. Исходя из этих положений, Конт с удивительной последовательностью и нисколько не смущаясь действительностью начертывает план общественного устройства в ближайшем будущем, определяет характер и взаимные отношения трех главнейших учреждений: семьи, правительства и жречества. *Семья* является первой школой, в которой начинается воспитание человека. Она захватывает человека на самой низшей ступени и подымает его на самую высшую. Семья состоит из мужа и жены, детей их и родителей мужа. В центре семьи стоит женщина. Духовная власть принадлежит ей, но непосредственное управление домом находится в руках мужчины. Роль женщины состоит в том, чтобы влиять на мужчину советами, руководить его деятельностью, быть воплощением нравственной силы любви, но никоим образом не вмешиваться в непосредственные материальные дела; затем, на женщину возлагается воспитание детей до четырнадцатилетнего возраста. Для того чтобы женщина могла всецело отдаться своему призванию, она освобождается от работы и получает средства к существованию от мужа, или от родственников, или, наконец, от государства. Мать мужа, пока она жива, является естественным воплощением внутреннего смысла семьи и ее духовной руководительницей. Отец же его ведет все материальные дела семьи и пользуется действительной властью; он отказывается от последней по достижении шестидесяти трех лет и передает ее сыну, а сам сохраняет за собою только совещательный голос. В образе этих стариков, пользующихся совещательным голосом, находит выражение третий элемент человеческой жизни – умственная сила. Итак, женщина в семье представляет нравственную силу, мужчина – деятельность материальную, старики – умственную, и первая

должна господствовать над всеми остальными. *Государство* (светская власть), по мысли Конта, получает следующее устройство. Прежде государства носили преимущественно военный характер, и подчинение всех ввиду общей опасности одному руководству достигалось сравнительно легко. Теперь же государства получили преимущественно промышленный характер и дело организации общества становится тем затруднительнее, что ясно сознаваемой всеми опасности уже нет, и что при крушении старых верований индивидуалистические стремления развиваются на полной свободе. Капиталистам, этим естественным руководителям всякого промышленного общества, часто недостает понимания своих социальных обязанностей. А рабочие, или пролетарии, вдохновляемые революционными учениями, утрачивают всякое чувство преданности и подчинения и увлекаются разными утопиями равенства, которые представляют, в сущности, отрицание разделения труда и сотрудничества, то есть отрицание всякой социальной организации. Выйти из такого состояния общество может, только возвратившись к добровольному подчинению своим естественным руководителям, сознающим свои социальные обязанности, как это было в лучшие времена военного режима. Промышленная, и вообще трудовая, деятельность перестает быть делом исключительно личным и получает социальный характер. Во главе промышленности становятся богачи – хозяева; они – «начальники или предводители промышленности»; они управляют работами и надзирают за всем ходом дела. Праздным богачам, проводящим жизнь в удовольствиях и угождениях своим прихотям, в обществе Конта нет места. Вместе с тем, Конт отрицает мелкое землевладение и мелкое производство. Развившееся разделение труда и сотрудничество требуют крупных предприятий. Всякий предприниматель свободно может расширять свои операции до таких размеров, пока он в силах лично руководить ими. Таким образом, общество будет состоять только из двух классов: богачей и бедняков. Но богач-предприниматель, как социальный деятель, является ответственным перед общественным мнением за употребление вверенного ему капитала и полученных барышей. Он не может расточать капитал, так как последний принадлежит не ему лично, а всему человечеству, и только вверяется ему для употребления на общую пользу. Точно так же и из доходов он пользуется лишь известной частью, определяемой им самим заранее и достаточно значительной для того, чтобы не отбить у предприимчивых людей охоты заниматься таким ответственным и трудным делом. Конечно, все эти обязательства и ответственность имеют чисто

нравственный характер. В каком же положении будет рабочий класс? Вознаграждение за труд остается по-прежнему делом полюбовного соглашения между предпринимателем и рабочим. В случае несогласия обе стороны могут прибегать к отказу от работы, стачкам и, наконец, к посредничеству духовной власти. Но полюбовное соглашение будет определяться уже не конкуренцией рынка, «а надлежащим распределением продукта сообразно потребностям рабочих, с одной стороны, и потребностям и достоинствам предпринимателя – с другой». Часть материальных благ, приходящихся при этом на долю рабочего, Конт определяет следующим образом: рабочий должен располагать жилищем, состоящим из семи комнат, и пользоваться на правах полной собственности всем, что находится в нем, то есть всеми предметами обычного домашнего обихода. Воспитание и медицинская помощь должны быть организованы бесплатно. Заработная плата устанавливается двоякого рода: одна помесячная, неизменная в сто франков за двадцать восемь дней, другая – понедельная, пропорциональная продуктивности труда, но в среднем дающая около семи франков за рабочий день. При таких условиях бедняки-рабочие не будут завидовать богачу-предпринимателю, который, хотя пользуется большим материальным достатком, однако несет гораздо большую нравственную ответственность. Что касается собственно политической организации общества, то она представлялась Конту в довольно простом виде. Современные обширные государства разбиваются на мелкие самоуправляющиеся единицы, величина которых не должна превышать Бельгии или Португалии. Правительственная власть сосредоточивается в руках триумвирата из выдающихся банкиров. Один из этих банкиров заведует иностранными делами, другой – внутренними, третий – финансовыми. Они пользуются диктаторской властью, но вместе с тем не получают никакого вознаграждения за исполнение этих своих обязанностей. Власть на всех ступенях, от высших до низших, переходит по «социократическому наследству». Конт решительно отвергал так называемое выборное начало. Он находил, что всякий, кто имеет власть, а также руководит промышленным предприятием, должен сам избирать себе преемника из наиболее достойных людей, будут ли это его собственные дети или посторонние лица – все равно. Правительственные проекты и предположения, касающиеся существенных вопросов, заблаговременно публикуются и подвергаются обстоятельному всеобщему обсуждению, ради чего устанавливается полная свобода слова, печати и союзов. Отсюда мы видим, как далек был Конт от того, чтобы предоставлять

действительную, фактическую власть в руки ученого сословия, как то проектировали некоторые позднейшие позитивисты. Царство ученых людей – педантократию – он ненавидел, можно сказать, и практически, по опыту личной жизни, и теоретически. Он находил, что житейскими делами лучше всего могут управлять те люди, которые стоят непосредственно у этих дел. Естественными представителями таких людей он и считает своих банкиров.

Духовная власть должна быть, безусловно, отделена от светской. Обе они представляют такую же противоположность, как теория и практика. Теория всегда стремится к универсальности, а практика, напротив, – к частности; теория теряет свое беспристрастие и свободу, поставленная в непосредственное соприкосновение с жизнью, а практика теряет свою энергию и напряженность, попав в сферу отвлеченностей, и т. д. Человечество сделало величайший шаг в своем развитии, когда осознало необходимость решительного разделения между теорией и практикой. Духовная власть по своему складу и стремлениям должна совершенно отличаться от светской. Личные интересы тут излишни. Духовенство не располагает ни материальными богатствами, ни политической властью. Духовные лица не могут брать платы за свои сочинения или за уроки, даваемые ими, и т. д. Средства к существованию они получают в переходный период от добровольных жертвователей, а когда новое общество окончательно организуется – от государства, но в самых скромных размерах. Среди духовных не допускается ни специализации занятий, ни разделения труда. Они должны получать энциклопедическое образование и усвоить всю совокупность положительного знания. Желающие посвятить себя духовной миссии подвергаются испытанию в семи основных науках, начиная с математики и кончая этикой; кроме того, испытывается еще, само собою разумеется, их нравственная правоспособность посвятить себя служению человечеству. Главное назначение духовенства – влиять на волю людей, видоизменять ее и направлять ко всеобщему благополучию человечества, но отнюдь не предписывать поведение. Духовенство развивает сознание, что всякое частное занятие есть собственно общественное дело, что все, чем пользуется данное поколение, добыто продолжительными трудами предшествовавших поколений и что мы не имеем права расточать общечеловеческое наследство, но должны передать его с известным приращением последующим поколениям. Оно проповедует и поддерживает на собственном примере религию альтруизма, жизнь для других, подчинение ума сердцу, то есть делает в более обширной сфере

то же дело, которое делает женщина в семье. Понятно поэтому, что воспитание подрастающего поколения составляет обязанность исключительно духовенства. Как духовная власть не вмешивается в практическую деятельность общества, так светская не может иметь никаких притязаний на воспитание. Конт действительно верил, что верования руководят людьми, что они сильнее всякой внешней материальной силы. Его духовенство, лишенное богатства, власти, всяческого блеска и эффекта, производит небывалый общественный переворот и поддерживает новый, во многих отношениях чрезвычайно удивительный, общественный строй, пользуясь единственным средством – воспитанием юношества! На духовенство Конт возлагает также подачу медицинской помощи и всевозможного рода советов относительно вопросов как частной, так и общественной жизни, о чем я упоминал раньше. В особенности же оно должно заботиться о том, чтобы богатые и сильные мира сего исполняли свои нравственные обязанности по отношению к стоящим ниже их. Побудительными к тому средствами в руках духовенства служат: во-первых – частное увещание, во-вторых – публичный выговор и в-третьих – отлучение. Отлученный богач при единодушном общественном мнении попадает в чрезвычайно неприятное положение: от него отворачиваются положительно все, и он оказывается вынужденным добывать себе кусок хлеба собственным трудом. Я не стану говорить здесь, что на обязанности духовенства лежит также и отправление культа.

Такова «утопия» Конта относительно грядущего социального строя – того строя, который должен сложиться на основах позитивизма. Я не могу входить здесь в критическую оценку Контова идеального общества ни в целом, ни в частностях. Да едва ли читатель и нуждается в какой бы то ни было критике всех этих рассуждений о банкирах в роли правителей, о богачах в роли предводителей промышленности, о жрецах в роли духовных руководителей и так далее. Все это слишком фантастично, а местами нелепо. Как бы странно оно нам ни казалось, не следует упускать из виду, какая идея вдохновляла философа. Разрушительные анархические стремления, развивающиеся все более и более в современном буржуазном обществе, вызывали в нем чрезвычайные опасения. Но он считал невозможным бороться с анархией одними только полицейскими, вообще насильственными мерами. Разрушение можно побороть только созиданием. Против отрицательного учения необходимо выставить положительное. Социально-реформаторские построения Конта интересны как одна из попыток в этом деле, и притом – попытка человека, обладавшего громадными

историческими и научными познаниями.

Заключение

Учение Огюста Конта, позитивизм, – весьма крупное явление в умственной жизни современной Европы. Конт пытался создать всеобщее учение: философское, научное, социальное, религиозное. Едва ли можно указать один хоть сколько-нибудь существенный вопрос из любой сферы, которого он бы не затронул. Естественно поэтому, что он должен был вызвать к себе самое разнообразное отношение. Приведем мнения некоторых писателей и попутно постараемся выяснить, насколько учение Конта в целом и в своих главных частях можно считать принятым или отвергнутым в настоящее время. При этом я обойду молчанием как не представляющих для нас в данном случае интереса писателей, стоящих на почве учений, уже отживших и отживающих свое время. Возьмем сначала, собственно, положительную философию Конта. Наряду с писателями, признающими ее от альфы до омеги, мы встречаем других, относящихся к ней довольно-таки скептически. Так, известный ученый Гексли писал еще в 1869 году:

> «Когда я изучал характерные черты положительной философии, то нашел в ней весьма мало, я могу даже сказать, решительно ничего такого, что имело бы какую-нибудь научную ценность, и взамен того нашел много особенностей, столь же противных самой сущности науки, как и все, что есть противоположного в католическом ультрамонтанстве».

Г. Лесевич, обладающий обширными познаниями относительно движения философской мысли в современной Европе, делает такую оценку Конта в своем последнем сочинении:

> «Конт, хоть и угадал, что впредь философия должна строиться на научных основах, но, взявшись за дело, с первого же шага пошел по старой тропе догматизма и вместо системы научной философии дал нам схему наук, в которую едва-едва вкраплены намеки на философский критицизм и которая слишком часто прогибается в наивный реализм, лишающий ее значительной доли того философского значения, какое она могла бы получить в руках мыслителя, соединяющего в себе с природною силою достодолжную философскую подготовку… Так как, к несчастью, философские знания О. Конта были

скудны и философское его развитие поэтому стояло на уровне невысоком, то в результате оказалось, что, кинув бессознательно две-три беглых критических заметки, он все свои силы потратил сперва на построение схемы, долженствовавшей при развитии критического начала отойти на второй план, а потом и совсем сбился на бесплодную почву реабилитации мистицизма…»

Наряду с этим Милль говорит, что философия Конта

> «…представляет простое признание традиций всех великих умов науки, открытия которых сделали человечество тем, чем оно является в настоящее время».

Льюис идет еще дальше.

> «В „Курсе положительной философии“ Конта, – *говорит он,* – мы находим величайшую по своей глубокой истинности философскую систему, которую когда-либо создавал человеческий ум; некоторые недостатки в деталях, впрочем, совершенно неизбежные, не должны заслонять величие целого, и мы не должны забывать, чем мы обязаны великому основателю позитивной системы».

Несмотря, однако, на эти противоречивые заключения, казалось, что мысль, положенная Контом в основу своего учения, – а именно, что философия должна представлять систематизацию научных обобщений, – вполне правильное утверждение. Но тут мы наталкиваемся на следующие любопытные слова Гексли.

> «Что же касается его (Конта) философии, – *говорит он,* – то я отделяюсь от нее, ссылаясь на его собственные слова, переданные мне старым контистом, ныне одним из знаменитых членов французского института, Шарлем Робеном: „Философия есть непрерывное усилие человеческого ума достичь покоя; но ей непрерывно мешают последовательные успехи науки. Поэтому философ принужден каждый вечер пересматривать синтез своих воззрений; и настанет время, когда у рассудительного человека не будет иной вечерней молитвы“».

Таким образом, стараясь свести философию к науке, не

приходим ли к отрицанию и ненужности всякой философии и даже к невозможности ее? Едва ли. Может быть, ежедневный прибой научной мысли и заставляет передовых ученых ежедневно же «переделывать синтез своих воззрений». Но что касается обыкновенных смертных, той массы, которая в философии ищет руководящего начала для осмысленной деятельной жизни, то они успевают прожить целую жизнь прежде, чем свет действительно новых научных открытий успеет проникнуть в их создания. И это не потому только, что тьма с трудом уступает свету. Тут и сами качества этого ежедневно возгорающегося света имеют значение. Пока дело происходит в маленьких кабинетах ученых, им может еще казаться необходимым ежедневно менять свои воззрения под влиянием ежедневных новых открытий; но как только эти ежедневные открытия начинают усваиваться всею массою мыслящего человечества, так и оказывается, что они сплошь и рядом могут спокойно уживаться с прежними воззрениями, которые всегда бывают (раз это действительно жизненные воззрения) достаточно широки и эластичны, чтобы усвоить и переработать массу новых научных открытий. Философия, как синтез научных воззрений, как система миропонимания, как руководство к осмысленной жизни, – возможна и необходима. Если это так, то заслуга Конта, понявшего, что суть философии вовсе не в критике, и успевшего единичными усилиями своего ума обобщить всю массу современных ему научных знаний (конечно, не без промахов, даже грубых), поистине громадная. Труд его до сих пор остается единственным в этом роде трудом как продукт работы одного ума. Затем Конт доказал и показал, что философия, стремящаяся не только разрушить старые традиционные верования, но и послужить руководством для положительной творческой деятельности человечества, должна перенести свой центр тяжести в сферу социальных явлений. К этой стороне его философии мы и обратимся теперь. Тут мы наталкиваемся на еще более противоречивые взгляды, чем при оценке Конта как автора собственно «Курса положительной философии». Что же касается, в частности, учения Конта относительно будущего социального строя и того пути, каким следует идти к достижению его, то в этом отношении почти все писатели, за исключением небольшой кучки последовательных контистов, отказываются следовать за ним.

Наш историк Кареев, оценивая исторические взгляды О. Конта, считает его коренной ошибкой, между прочим, то, «что он взглянул на человечество не как на совокупность наций, развивающихся по одним законам, а как на нечто единое, в котором отдельные нации играют роль частей, соответствующих

разным фазам, совсем как у Гегеля». Затем он находит, что Конт применяет к истории понятие закона «в весьма мало научном смысле», что «он не умеет отделить в истории необходимое, как момент развития, от необходимого как такового вследствие случайных причин»; что «он не понимает политеизма и односторонне смотрит на религию» и т. д. Но вместе с тем г-н Кареев признает, что Конт «первый формулировал необходимость изучать социальные явления ради открытия законов, ими управляющих, употребляя слово „закон“ в строго научном смысле, и влияние Конта сказывается теперь даже на тех писателях, которые прямо отрекаются от духовного родства с отцом позитивизма». В данном случае особенно интересно мнение Милля, который сам немало и чрезвычайно плодотворно потрудился над разработкой общественных вопросов и по складу своих политических убеждений резко отличался от Конта.

> «В обоих томах, – *говорит он относительно двух последних томов „Курса положительной философии“,* – едва ли найдется хоть одно положение, которое не прибавляло бы какой-либо идеи. Мы видим в этом обозрении величайшее произведение Конта после его обзора наук; в некоторых отношениях первое даже изумительнее последнего. Кто не верит, что из философии истории можно сделать науку, тот, вероятно, отказался бы от своего взгляда, прочитав эти два тома».

Однако Милль не считает Конта создателем социологии.

> «Кроме исторического анализа, – *говорит он ниже,* – который во многом следует дополнить, но который, мы думаем, вряд ли может быть, вообще говоря, заменен чем-нибудь подобным, Конт в своей социологии не представляет ничего такого, что не требовало бы переделки». Но «его понимание метода, свойственного этому исследованию, до такой степени вернее и глубже понимания всех его предшественников в этом деле, что составляет эру в разработке социологии… Если о Конте нельзя сказать, что он создал эту науку, то по всей справедливости надо признать, что он первый сделал возможным ее создание. Это – великий подвиг».

Переходя затем к учению Конта о будущем социальном строе, Милль жестоко критикует его воззрения, отдавая, впрочем, должное отдельным блестящим мыслям. Другие писатели идут еще дальше и считают все писания Конта после «Курса

положительной философии» прискорбными заблуждениями великого ума, впавшего в непроглядный мистицизм. Стоит, однако, сопоставить эти мнения с полной преданностью, с безграничным восхвалением доктора Робине, написавшего биографию Конта, и других контистов, даже с некоторыми заявлениями Льюиса, чтобы увидеть, какая пропасть разделяет еще людей, когда они берутся за решение нравственных и социальных вопросов. Вообще, едва ли настало время для беспристрастной оценки социальных воззрений Конта. Как цельная система они не могут рассчитывать на реабилитацию, но многие отдельные, и притом существенные, положения, которые современным людям, не могущим отрешиться от своих буржуазных или исключительно критических теорий, кажутся неосновательными и нелепыми, возможно, получат в будущем иную оценку. Когда человечество приступит к осуществлению положительных идеалов общечеловеческого братства, как они мало-помалу вырабатываются вот уже в продолжение целых веков, то оно сумеет лучше оценить попытки отдельных мыслителей, стремившихся выработать положительные основы будущего строя, чем поколения, занятые совершенно иною работою… Даже суровый Гексли замечает, что ему было бы неприятно, если бы читатель вывел из его слов такое заключение, что он не придает никакого значения сочинениям Конта и не питает «симпатии и уважения к людям, которых он (Конт) натолкнул на глубокие размышления об общественных вопросах и на благородную борьбу в пользу общественного обновления».

Приведем еще два заключительных отзыва о Конте. Один принадлежит Литтре, другой – Миллю, то есть людям, больше других потрудившимся над изучением и оценкой произведений великого позитивиста.

> «Повторим в кратких словах, – *говорит Литтре,* – в чем, по нашему мнению, заключаются заслуги Конта. Среди умственной неурядицы, порожденной XVIII веком, он сумел в начале XIX века указать на тот субъективный и фиктивный характер, который свойствен метафизическим теориям; он задумал уничтожить это противоречие между умственным миросозерцанием человека и реальностью и понял, что для достижения этой цели ему необходимо открыть, на основании рационального изучения истории, точные законы развития человеческого, и он открыл их; сделав это важное открытие, он понял необходимость обобщить

человеческое знание и обобщил его, подведя все частные науки под одну систему; наконец, он уловил неразрывную связь, существующую между всеобъемлющей философией и общественным строем и сделал попытку (хотя и не увенчавшуюся успехом) найти основы рационального устройства человеческого общества. Тот, кто так много потрудился для человеческой мысли, заслуживает в истории человечества почтенное место наряду с величайшими деятелями, вписавшими свое имя в историю человеческой мысли».

«Из всех известных философов, – *говорит Милль,* – Декарт и Лейбниц представляют наибольшее сходство с Контом. Они были похожи на него и по серьезности умозрений, и по уверенности в себе, хотя в последнем едва ли могут быть поставлены наравне с ним. Они обладали такою же, как и он, необычайною способностью сопоставления и соподчинения. Они обогатили человеческое знание великими истинами и великими идеями о методе. Из всех великих мыслителей они были наиболее последовательными и потому наиболее часто доходившими до нелепостей, так как они не отступали перед выводами, – как бы эти выводы ни были противны здравому смыслу, – если только к ним вели первые посылки. Согласно этому, имена указанных философов дошли до нас не только в связи с великими идеями и замечательнейшими открытиями, но и в связи с некоторыми из самых уродливо-диких и самых смешно-нелепых понятий и теорий, какие только когда-либо предлагались людьми мыслящими. Мы считаем Конта столь же великим, как и этих философов, и едва ли более странным, нежели они. Если бы нам нужно было высказать нашу мысль вполне, мы должны были бы поставить его выше двух этих мыслителей, но не по внутренним достоинствам, а потому только, что, обладая равносильной умственной способностью, он действовал при более высоком состоянии человеческого развития».

Итак, осторожный Милль не побоялся сказать, что так называемые нелепости Конта (его мистицизм и т. д.) представляют последовательный вывод из принятых им основных посылок. Все же основные посылки Конта коренятся в той социально-философской системе, которую он изложил в «Курсе положительной философии». Неправильно, следовательно,

обвинять Конта, что он одну половину своей жизни посвятил служению светлым началам, а другую – темным силам. Если он в чем виноват, так только в том, что не страшился доводить до логического конца свои выводы и не останавливался перед «нелепостями», противоречащими «здравому смыслу». Но, с другой стороны, несправедливо было бы утверждать, что из учения Конта можно сделать только такие выводы, какие сделал он, и никаких иных. Социология (речь идет, само собою понятно, о социологических выводах Конта) – не математика. Тут нередко из одних и тех же основных посылок делаются прямо противоположные выводы. Латинянин по духу и расе, влюбленный в порядок, авторитет, ненавидевший анархию, относившийся с почтением к иерархии, обладавший громадным и удивительно механическим умом и непомерным самомнением, работавший в сумерках, спустившихся на человечество, и с любовью оглядывавшийся на блестящую эпоху католичества, – Конт фатально тяготел к своей религии человечества. Он, подобно ядру, по сравнению одного писателя, следовал без остановки по своей траектории, повинуясь законам механики, пока не достиг намеченной цели с математической точностью. Другие люди, с другими нравственными симпатиями, в другой момент, воспользовавшись основными положениями Конта, но не ограничиваясь только ими, придут к другим окончательным выводам.

Источники

Литература на русском языке об Огюсте Конте:

1. *Лесевич.* Опыт критического исследования основоначал позитивной философии.

2. *Лесевич.* Что такое научная философия?

3. *Смоликовский.* Учение Огюста Конта об обществе.

4. *Смоликовский.* Изложение начал позитивной философии и социологии Огюста Конта.

5. *Полетика.* Критика философской системы Конта и дополнение этой системы мыслями Гегеля и некоторых новейших философов.

6. Льюис и *Милль.* Огюст Конт и позитивная философия.

7. *Чичерин.* Положительная философия и единство науки.

8. *Щеглов.* История социальных систем, т. 1.

9. *Соловьев.* Кризис западной философии против позитивистов.

10. *Вольфсон.* «Позитивизм» и «Критика отвлеченных начал» Соловьева.

11. *Ватсон.* О Конте и позитивной философии («Этюды и очерки»).

12. *Д. Писарев.* Исторические идеи Огюста Конта («Собрание сочинений», издание 1894 г., т. 5).

13. *П. Лавров.* Задачи позитивизма и их решение. – «Современное обозрение», 1868, № 5.

14. *Конгрев.* Позитивизм и современная наука Огюста Конта и Гексли. – «Космос», 1869, № 4.

15. *Гексли.* Позитивизм и современная наука. – «Космос», 1869, № 5.

16. *Н. П-в.* Мысли о позитивной философии. – «Отечественные записки», 1865, № 7, 9.

17. *Павловский.* Классификация наук. – «Отечественные записки», 1871, № 6.

18. *Л. Оболенский.* Л. Толстой и О. Конт о науке. – «Русское богатство», 1886, № 5, 6.

19. *Л. Оболенский.* Основные ошибки позитивизма и материализма. – «Русское богатство», 1890, № 1—3.

20. *Истомин.* Отношение религиозно-философских воззрений О. Конта к католичеству. – «Вера и разум», 1889, № 9, 11.

21. *Льюис.* История философии.

22. *Милль.* Система логики.

Из сочинений на иностранных языках об Огюсте Конте составитель предлагаемой биографии пользовался следующими:

1. *Littré.* Auguste Comte et la philosophie positive.
2. *Robinet.* Notice sur la vie et l'oeuvre d'Auguste Comte.
3. *Herman Gruber.* August Comte, sein Leben und seine Lehre.
4. *Edw. Caird.* The social philosophy and religion of Comte.
5. *Guardia.* Les sentiments intimes d'Auguste Comte d'après son testament. – «Revue philosophique», 1887.
6. Testament d'Auguste Comte.
7. *Auguste Comte.* Cours de philosophie positive.
8. *Auguste Comte.* Système de politique positive.